

СОЛОВЕЦКОЕ СИДЕНИЕ

(из цикла «Парадоксы военной истории»)

Глеб Ситько

Распрекрасный остров Соловецкий,
Лебединая Секир – гора,
Где церквушка, рубленая клетки, –
Облачному ангелу сестра

Н. Клюев

Вы не бывали на Соловках? Обязательно съездите! Незабываемое зрелище, когда, словно сказочный кит, из вод Белого моря поднимаются укрытые хвойным лесом берега, на которых высятся величественные серые стены и башни Соловецкого кремля. Вблизи они поражают ещё больше: в основании крепости лежат огромные, многотонные валуны. Толщина стен возле земли – 6 м. (больше, чем у Московского кремля), высота – 8-11, не считая восьми башен (до 15-ти метров в высоту без шатров), протяжённость всей стены – более километра.

Не менее впечатляют многочисленные внутренние сооружения, как культового, так и хозяйственного назначения. А чарующая красота северной природы, в которой нет ярких, насыщенных цветов, как на юге, но есть мягкие, нежные полутона, словно на рублёвских иконах? А море черники в лесу, если приехать в августе? А озёрная вода, прозрачная и холодная, как в ручье (кстати, её свободно можно пить)? А воздух, настолько чистый, что когда сходишь с парохода в Архангельске (отнюдь не самый промышленный город на свете) возникает ощущение, что дышишь чистым бензином? А главное – несомненная благотворность того, что сейчас называют расплывчатым словом «энергетика». Даже не верится, что когда-то в этом месте было пролито столько крови...

Краткая предыстория

А тебе, жемчужине Поморья
Крылья чаек навевают сны
Езера твои и красноборья
Ясными улыбками полны

Н. Клюев

Чтобы вернуться в XVII -е столетие нам придётся только убрать с глаз долой несколько уродливых строений, оставленных XX -м веком (в том числе – памятник курсантам школы юнг, погибшим в ВОВ), восстановить уничтоженные временем и людьми кельи из дерева. Заменить белый пароход, привезший Вас сюда, на деревянный струг, вооружённый медными пушками, а толпу ярко одетых туристов – на паломников со всех концов Руси в строгих кафтанах и сарафанах с платками. Да, и ещё – представьте вместо молодого, полувекового леса тёмный бор из могучих, трёхсотлетних кедров и сосен, поваленный «СЛОН-ом» в 30-е годы прошедшего столетия.

Монашеское общежитие на архипелаге основали в 20-х годах XV -го века монахи Зосима, Савватий и Герман, причисленные впоследствии к лику святых. Особо почитались отшельники на самом острове, как и на всём Русском Севере. Впрочем, старцы не стали здесь первыми поселенцами: на Соловках было найдено несколько выложенных камнями узоров («лабиринтов»), археологи относят их возникновение к неолиту. Позднее здесь находилась летняя стоянка местных племён, заезжали сюда переждать бурю и северо-русские рыбаки, однако монахи стали первыми постоянными Соловецкими жителями.

Вслед за иноками к островам потянулись богомольцы, ищущие пустынного жития (уж где, кажется, может быть пустыней и уединеннее, чем здесь!). В результате наплыва отшельников на Соловках вскоре стало довольно многолюдно, так что кроме разбросанных там и сям скитов был построен монастырский ансамбль (сперва – из дерева). В 1578 году на архипелаг прибыл воевода Михаил Озеров со стрельцами, с целью поставить деревянный острог и начать отражать нападения шведов.

При игумене Иакове (1581-97-й г.г.) монастырь был ограждён неприступной каменной стеной, «для опасения немецких воинских людей», в основном – тех же шведов, для чего московским правительством были присланы пушки, запас пороха и ядер, другое оружие.

За два с лишним века Соловки превратились в настоящий духовный, культурный и экономический центр Русского Севера. Монастырские суда ежедневно привозили на остров сотни паломников. Кого – на день - на два, поклониться мощам отцов – основателей общежития да постоять на службе, кого – на год – на несколько лет. Это были «трудники», работавшие в монастыре за деньги или «по обещанию», т.е. – по обету, данному Богу, скажем, на исцеление от болезни. А некоторые принимали послушничество, позже – постриг и оставались в обители на всю жизнь. Зажиточные богомольцы, часто приезжавшие с семьями, платили за постой и трапезу, а также делали щедрые пожертвования, на которые монахи содержали нищих паломников, хотя что-то, конечно, оставляли и на собственные нужды.

Кроме того, монастырь, подобно ордену Тамплиеров, вёл активную торговую и посредническую деятельность, его подворья (представительства) были разбросаны по всему Русскому Северу и многим крупным городам Московского царства. С островов везли соль, рыбу, новописанные иконы и книги, обратно же вместе с паломниками соловецкие надсады да корчи доставляли воск, масло, зерно, металлы и прочее необходимое для церковных и хозяйственных нужд.

Монастырское землевладение вообще-то вещь сомнительная и с канонической, и с хозяйственной точек зрения. Однако в конкретных социально-экономических условиях, а также благодаря административному таланту нескольких Соловецких игуменов, поморские крестьяне получили в лице монастыря не столько барина и эксплуататора, сколько защитника и опытного хозяйственного руководителя. Из монастырских вотчин по всей Московии, да и за её границы суда и подводки везли слюду, соль, пушнину, лес, речной жемчуг.

Сейчас странным может показаться экономическое чудо того времени, когда край с суровым климатом, с бедной каменистой почвой, с непроходимыми лесами и болотами вдруг обогнал по всем показателям степные чернозёмные области страны, изобилующие хлебом. Ответ на загадку прост: свобода. Подобно запорожским козакам, осваивавшим Дикую Степь, те, кто переселялся на Русский север, взамен за свой страх и риск получали свободу – экономическую, духовную, социальную.

Правда, вместо воинственных кочевников (как правило, здешние аборигены – лопари, чудь, карелы и проч. – народ мирный и добрососедский) противником русских пионеров, в основном – выходцев из вольнолюбивого Новгорода, выступила сама природа. И люди

выстояли, в кратчайшие сроки создав почти на голом месте крепкое, надёжное хозяйство и уникальную, самобытную культуру.

Сам остров тоже представлял собой такое хозяйство. Пока добывали камень для строительства крепостной стены, вырыли глубокий котлован. Тогда монахи и трудники соединили 52 озера Большого Соловецкого острова системой каналов, а излишки воды стекли в этот искусственный водоём, названный Святым озером. Кроме того, вода заполняла оборонительный ров и по специальным трубам поступала в монастырский водопровод, двигала жернова мельницы и механизмы прачечной, и даже приводила в действие пиво- и квасопровод в кельях монахов (это – не шутка). Каналы использовались также для перевозки грузов по острову бичевой, с помощью гужевых лошадей (впрочем, сухопутные дороги также были проложены). В озёрах разводили специально завезённую рыбу, включая форель, на острове жили почти ручные олени (тоже завезённые, причём – исключительно из эстетических соображений, ведь монахам мясо вкушать запрещено). Домашнюю птицу и скотину монахи держали на отдельном острове. Пол ьзуясь здешней природной аномалией (что-то вроде скрытого гейзера), садоводы и огородники за короткое северное лето умудрялись выращивать разнообразные фрукты и овощи, включая дыни и виноград (на 65-м градусе северной широты посреди холодного Белого моря, и это – тоже не шутка).

Опровергая бытующее в современной историографии мнение о невосприимчивости жителей допетровской России к техническим новшествам, соловчане обогревали большие помещения монастыря горячим воздухом от хозяйственных печей, а здешние умельцы славно мастерили часы, от больших монастырских курантов до карманных «луковиц» для церковного начальства. Некоторые сооружения комплекса по технической сложности исполнения и художественному оформлению не имеют аналогов ни в русской, ни в мировой средневековой архитектуре, такие, как Успенская церковь с трапезной на подклетьях и келарской палатой, или Спасо-Преображенский собор – главный храм монастыря.

Не стоит, однако, думать, будто бы все усилия монахов сводились лишь к хозяйственной деятельности. Были на острове и уединённые скиты, стоящие вдалеке от потока паломников, иссякавшего только вместе с зимним окончанием судоходства. Впрочем, и в самом монастыре, имевшем, кстати, относительно мягкий устав (поскольку весь хлеб был привозной, даже в суровый Великий пост здесь не возбранялась сушёная рыба), находилось место для тех, кто искал «сугубого» молитвенного подвига и строгой аскезы. К примеру, монастырский игумен и архимандрит Илья (1645-59 г.г.) питался лишь водой и хлебом, сидя за одним столом с нищими, причём, не желая смущать их примером столь сурового воздержания, хлебал вместо супа подогретую воду ложкой из миски. На острове была открыта школа для мальчиков-сирот, где их обучали закону Божьему, грамоте, различным ремёслам. Постоянно переписывались богослужебные книги, создавались и новые (в основном – религиозные поучения), писались иконы.

Непросто складывались отношения обители с центральной властью, как светской, так и церковной. С одной стороны, царь поддерживал свой «окраинный» монастырь, часто даровал ему вотчины, присылал и иные «гостинцы», с другой – всячески пытался ограничить местное самоуправление. С одной стороны, обитель на крайнем севере использовалась, как место ссылки и «перевоспитания» духовных и светских вольнодумцев, с другой – она была своеобразной кузницей кадров для русской церкви. Многие видные церковные деятели, настоятели и основатели монастырей, епископы, архиепископы, митрополиты и даже всероссийские патриархи были выходцами из Соловков.

Один из самых известных – митрополит московский Филипп (Колычев), бывший в 1548-66-х годах игуменом Соловецкой обители, начавший на острове каменное строительство, проложивший дороги и сделавший ещё много полезного для монастыря. Получив место

митрополита московского, он (неслыханное дело в истории российской церкви!) выступил с обличением бесчинств, творимых Иваном Грозным и его опричниками. За это в 1568-м году его лишили кафедры и заточили в Тверской Отрочь монастырь, где страдалец был через год задушен царским палачом Малютой Скуратовым.

А меньше, чем через 100 лет, в 1652-м году, опального митрополита русская церковь причислила к лику святых. Царь Алексей Михайлович лично просил у мощей Филиппа прощения за грех своего предшественника, совершённый «неразсудно завистию и неудержанием ярости». Это было нечто, вообще немыслимое в тогдашней Московии. Верховная власть официально признала, что была неправа!

На Соловках же прошёл послушание и получил иноческое пострижение будущий митрополит Новгородский, а затем – патриарх Всероссийский Никон, принесший гибель родной обители, да и всему православию доставивший неисчислимые беды.

Начало конфликта и его предпосылки

Осуждаем вас, монахи, осуждаем:
Не воюйте вы, монахи, с государем
Государь у нас – помазанник Божий
Никогда он быть неправым не может!

А. Городницкий

Гром грянул в 1666-м году (правда, интересная дата), хотя тучи начинали собираться ещё раньше. Дело в том, что за 600 с лишком лет между русской и греческой церковью, которые официально продолжали считаться единой, наметились довольно серьёзные различия в исполнении обрядов. Эти разногласия ещё более усилились вследствие того, что Греция, как и православные страны Балканского полуострова, вот уже несколько веков находилась под гнётом Османской империи. К тому же цареградская церковь была вынуждена подписать с Римом флорентийскую унию, чем, в глазах московитов, ещё больше отдалилась от исконного православия, когда-то принесённого на Русь князем Владимиром.

Однако никакой конфронтации тогда ещё не происходило. Константинопольские церковные иерархи частенько навещали в Московию, где народ встречал их хлебом-солью, а власти осыпали подарками. Им оказывали все положенные по рангу почести, позволяли вести службы в русских церквях, а если кто и упрекал в отходе от церковных канонов, то – в порядке устной полемики, без костров и пыток. РПЦ до сих пор называется Греко-Российской церковью, хотя греки давно уже приняли григорианский календарь (кроме Пасхи) и, фактически, живут в другом времени. Донским казакам и их украинским братьям неоднократно приходилось сражаться бок о бок, и никто никому не закидывал, что, мол, не так креститесь, бороды бреете да табак курите.

Но в 1654-м году, после Переяславской рады и так называемого воссоединения Украины с Россией (хотя это был, скорее, договор о дружбе и военный союз), положение кардинально изменилось. Одно дело – терпеть церковные разногласия где-то там, далеко, и совсем другое – в землях, которые ты уже считаешь своей вотчиной. Однако навязывать чужие обряды свободолюбивым украинцам, только что с оружием в руках отбившимся от введения у себя католической Унии, которые и так уже роптали на притеснения со стороны московских властей, было, по меньшей мере, рискованно. К тому же царю давно не давали спать лавры опоры православия во всём мире, единственного независимого православного монарха, потенциального объединителя славянских и православных земель. Самодержцу грелился в

ближайшем будущем царградский венец и торжественная коронация в Константинополе, освобождённом от магометан московско-украино-польскими войсками и греческими повстанцами.

Вот маниловщина, а? В Крыму – татары, которым пол страны платит дань, пол Украины – под поляками, Балканы – под турками, а у самой Московии фактически нет регулярной армии, но решать насущные проблемы тому, кто считает себя почти Богом, неинтересно, ему подавай что-то поглобальнее. Сия мания преследовала российских самодержцев всю историю, заставляя их влезать во всё новые авантюры, включая многочисленные войны с Турцией и даже (отчасти) Первую Мировую.

В этом плане великорусскому князю казалось разумнее не подвергать сомнению обряды одноверцев в иных странах (Греция, Грузия, Балканы), и так уже еле держащихся за православие под гнётом иноверных (тем более, что они находились вне сферы его непосредственного влияния), а прикрикнуть на собственных подданных, к беспрекословному послушанию которых он давно привык.

Без всего этого можно было бы спокойно обойтись, спустив проблему на тормозах. Можно было оставить Украине, которая давно уже окормлялась константинопольским патриархатом, её автокефалию. Можно было на ближайшем Соборе объявить обрядовые различия не столь серьёзными, чтобы запретить церковное общение. А там, глядишь, и сами различия потихоньку сгладятся...

Но Аннушка уже пролила масло в огонь. В 1663-м году гетманом правобережной Украины стал Иван Брюховецкий. Человек хитрый, но недалёкий, фактически купивший на Чёрной Раде голоса козаков за водку, он не пользовался популярностью в народе и уважением у козацких старшин. Сознывая шаткость своего положения, он решил опереться на то, что казалось ему незыблемым – на царскую милость. Гетман даже в письмах к монарху подписывался: «Твой раб и подножок». Какая же участь могла ждать простых граждан, если так себя величал законно избранный правитель фактически независимой страны! Да, независимой, ибо, согласно Листам Богдана Хмельницкого – единственно законному акту в отношениях между Россией и Украиной – она сохраняла право на самоуправление и даже на собственную валюту.

Впрочем, предателю не помогло его подхалимство: московский диктатор вскоре подставил своего лизоблюда, как предал и всю Украину, пойдя на сепаратные мирные переговоры с Речью Посполитой, не соизволив уведомить своих союзников об их целях и результатах. Этот «ревнитель православия» даже чуть было не породнился с королём Яном Коземиром, попытавшись, несмотря на разницу в вере, женить своего малолетнего сына на польской принцессе. Но это уже иная история...

Итак, одну за другой стал отдавать Брюховецкий царю права и вольности украинского народа, завоёванные козацкой кровью и гарантированные вышеупомянутыми листами Богдана Хмельницкого. За это «подножок» получил от сюзерена невесту из царского рода, скомороший титул боярина и воеводы да возможность, прикрываясь московской протекцией, безнаказанно грабить своих подданных и расправляться с политическими противниками. То, что гетман не имел ни малейшего права принимать подобные решения, тем более без согласования с козацкой Радой, самодержавного правителя Московии отнюдь не заботило, как и то, что такими действиями царь преступал собственные клятвы. Я слово дал, я и обратно взял, я – хозяин своего слова! Не христианский монарх, а какое-то Чудо - Юдо Беззаконное...

Среди всего прочего, «Ивашка» сбаврил царю и право украинской церкви на независимость от московской, также гарантированное всё теми же Листами. Кстати, это

кумовское соглашение до сих пор является единственным «законным» основанием пребывания Русской Православной Церкви на территории Украины.

Вот тут Алексею Михайловичу шлея попала под мантию. Срочно собирается комиссия по переделке русских богослужебных книг по новогреческим образцам. Прикрывается всё это благим делом исправления накопившихся за века в служебниках описок и опечаток. Они, действительно, были, их не могло не быть. Если даже при нынешних технологиях в тексты книг и периодических изданий вкрадываются неточности, что же вы хотите от людей, при свете лучин, огарков и узких слюдяных окошек дни и ночи напролёт выводящих букву за буквой! О необходимости исправления церковных служебников по единому образцу, взятому из древних греческих и русских рукописных книг, ходатайствовали и члены «кружка ревнителей благочестия», который возглавлял царский духовник Стефан Внифантьев. В этот кружок входили будущие столпы старообрядческого движения, такие, как протопоп Аввакум, Даниил костромской, Логгин Муромский и другие. Кстати, Никон тоже был его членом.

То, что их вчерашний союзник, добравшись до патриаршьяго посоха, вместо исправления неточностей в богослужебных книгах собирается их полностью переделать на греческий лад, было для «боголюбцев» громом среди ясного неба. «Сердце озябло и ноги задрожали» - как образно выразился позднее Аввакум. Одну за одной посылают они челобитные царю, аргументировано доказывая правоту старых обрядов и сомнительность новых. Однако вместо ответов на них сыплются казни и репрессии.

Сразу оговорюсь, что не собираюсь обвинять в случившемся греков, украинцев, поляков, «проклятый запад» и пресловутых «жидомасонов», как некоторые чересчур горячие исследователи. Да, среди «справщиков», приглашённых царём и патриархом, были выпускники как греческих, так и киевских семинарий, и даже иезуитских коллегий, а также многие самозванцы и авантюристы, такие, как Паисий Лигарид, Елифаный Славинецкий, Арсений Грек (последний, кстати, уличённый во многих ересях, два раза побывал в ссылке на Соловках) и другие. Да, сама «справа» производилась, в основном, по «греческим бессвидетельствованным книгам», напечатанным в начале XVII -го века в Риме, Париже и Венеции. Однако эта реформа проводилась на территории независимого московского государства, проводилась по инициативе московского царя и московского патриарха. Оба они были русскими и по крови, и по воспитанию, оба были взрослыми, сознательными людьми, которые хорошо понимали, что делают и чего добиваются. Никон хотел стать Папой Московским, а Алексей Михайлович Тишайший – Императором всего Православного Востока. Так что всё произошедшее – исключительно внутреннее дело московского княжества.

Конечно, греческие иерархи, по вполне понятным причинам, подбивали Алексея Михайловича на крестовый поход за освобождение Константинополя. То, что они старались убедить царя и Никона, будто их обряды древнее и правильнее русских, тоже неудивительно. Однако давайте вспомним, что патриарх константинопольский Паисий в своей грамоте не одобрил никоновскую затею: «Ты жалуешься сильно на несогласие в кое-каких порядках, существующих в поместных церквях, и думаешь: не вредят ли эти различные порядки нашей вере? В ответ на это мы похваливаем мысль – поелику кто боится впасть в малые погрешности, тот предохраняет себя от великих – но исправляем опасение... Если случится, что какая-нибудь церковь будет отличаться от другой какими-либо порядками, неважными и несущественными для веры, или такими, которые не касаются главных членов веры, а относятся к числу незначительных церковных порядков, каково, например, время совершения литургии или вопрос о том, каким и перстами должен благословлять священник, и подобные, то это не должно производить никакого разделения, если только сохраняется неизменно одна и та же вера. Это потому, что церковь не сразу получила тот устав чинопоследований, который содержит в настоящее время, а мало-помалу... Рабу Господню не подобает устраивать свары (2 Тим. 11 : 24), и особенно в вещах, которые не принадлежат к числу главных, и существенных, и членов веры».

Что не помешало адресату на соборе 1656-го года объявить, будто бы Паисий благословил реформу. Впрочем, Никону сложно было бы процитировать подлинник, ведь письмо пришло в Москву лишь спустя два месяца по окончании собора!

Хочу напомнить, что в аналогичной ситуации украинский народ нашёл в себе моральные и физические силы противостоять куда более сильному давлению. Маленькая страна восстала против одной из сильнейших военных держав Европы, за спиной которой стоял иезуитский орден и римский престол, восстала и победила, а москвиты утратили свою духовную свободу в мирное время, находясь у себя дома. Прояви они при защите старых обрядов хоть десятую часть той стойкости, которую показали «малоросы», защищаясь от католической унии, мы бы о никонианстве читали сейчас в учебниках истории. Только не надо мне здесь говорить о христианском смирении! Те, кто тогда безропотно принял искажение своей веры, за малейшую провинность избивали жён, детей, слуг, а нищего, укравшего у них со двора старый хомут, могли и до смерти пришибить. Так что вините во всём свой рабский менталитет, дорогие россияне !

Среди староверов до сих пор бытует мнение, будто бы во всём виноват один Никон, это он «хорошего» царя в свою веру обратил. Однако на соборе 1666-го года вместе со старообрядцами судили и самого патриарха (кстати, к концу жизни предпочитавшего служить по старым книгам), а реформы продолжали идти полным ходом. Очевидно, самодержец выбрал Никона орудием для своих целей, которые были скорее политического, чем религиозного свойства.

Что такое старообрядчество и как с ним боролись

По грехом нашим на нашу страну
Попустил Господь такову беду
Облак тёмный всюду осени
Небо и воздух мраком потемни
Старообрядческий духовный стих

Итак, что же это были за реформы, из-за которых весь сыр собор? Приведём самые известные:

1) Трёхперстное крестное знамение вместо старого двуперстного. Точнее – пятиперстного, где указательный и средний пальцы символизируют двойственную, божественную и человеческую природу Иисуса Христа (средний при этом слегка присогнут), а сложенные в пучок большой, мизинец и безымянный – тройственность христианского Бога. Такое перстосложение мы наблюдаем на большинстве старинных русских и греческих икон, о нём упоминается во многих древних церковных книгах, да и то, насколько прочно укоренился этот обычай в московском царстве, говорит о давней, многовековой традиции. Однако Никониане осудили его, как «армянскую ересь», будто бы принесённую на Русь каким-то «Мартиним мнихом». Но Мартин – не армянское имя, а немецкое, к тому же армяне, как и католики, крестятся открытой ладонью слева направо. Да и как человек с таким именем мог что-то привнести в церковь, если он его не сменил на православное, а значит – не принял крещения, то есть - остался вне церкви? Кто бы стал слушать такого человека? Имя еретика Мартина не встречается ни в одной из вызывающих доверие летописей, однако легенду о нём в качестве аргумента в пользу своего отступничества выдвигали и украинские униаты, так что её происхождение, судя по всему, иезуитское. У новообрядцев же Троицу символизируют соединение большого, среднего и безымянного пальцев, которое староверы презрительно именовали «щепотью» и «кукишем». Бытовала даже издевательская поговорка: «наша «троица» в табаке роется»;

2) Произнесение и написание имени Спасителя через два «и» вместо просто «Исус», как раньше (связано с давно установленными правилами перевода слов с греческого языка на церковно-славянский). Кстати, на Украине, как и в большинстве славянских стран, до сих пор говорят и пишут «Исус» через одно «и»;

3) Произнесение во время богослужения трегубой аллилуйи вместо сугубой, по-старому. То есть – слово «Аллилуйя» стали повторять три раза, а раньше говорили два, поскольку считалось, что следующая затем фраза «слава Тебе, Боже!» - та же «Аллилуйя», только на другом языке;

4) Печатание на просфорах четырёхконечного креста вместо восьмиконечного (трисоставного), и вообще, повсеместная замена в церковном обиходе (на куполах храмов, для ношения священниками и мирянами и т.д.) принятого ранее восьмиконечного «православного» креста четырёхконечным «латинским». Сейчас в новообрядческой церкви трисоставный крест используется наряду с другими, старообрядцы же признают только старый восьмиконечный;

5) Изъятие в «Символе веры» слова «истинный» по отношению к Святому Духу («и в Духа Святого, Господа Истинного и Животворящего»), поскольку оно-де отсутствует в греческом оригинале. Однако греческое слово «хориос» на русский можно перевести и как «господь», и как «истинный», так что старый вариант, пожалуй, точнее;

6) Совершение обряда крещения путём омовения водой, вместо старого – в три погружения. «Обливание» никогда не практиковалось греками, зато часто встречалось на Украине (очевидно – под влиянием католицизма). В настоящее время в новообрядческой церкви это таинство, в зависимости от церкви и настоятеля, может совершаться по-разному, у староверов же – только в три погружения;

7) На праздник Пасхи обход храма с Крестным Ходом справа налево, вместо «посолонь», т. е. – по солнцу, слева направо, как было принято ранее. «Какая разница?» - спросите Вы. А какая разница, смотреть, переходя улицу, сперва налево, а затем – направо, либо наоборот? Никакой. Если, конечно, по дороге не ездят машины;

8) Отмена земных поклонов во время молитвы на Великий пост, введение вместо этого стояния на коленях в продолжение отдельных служб, чего ранее в русской церкви не практиковалось;

9) Введение для священнического благословения особого, «имясловного» перстосложения, вместо старого, двуперстного. То есть, когда новообрядческий батюшка мизинец соединяет с безымянным пальцем, это, вроде бы, каким-то образом образует инициалы Спасителя « I СХС». Но это уже, по-моему, полный бред! К тому же сам Исус не говорил со своими учениками ни на русском, ни на греческом, а для других языков данная «распальцовка» теряет всякий смысл;

10) Совершение обряда проскомидии (то есть – освящения хлебов) на пяти хлебах вместо семи, как делали раньше. Тут я не очень понял. Дело в том, что это таинство символизирует чудо, совершённое Исусом Христом, когда он малым количеством хлебов накормил огромную толпу. Однако в Евангелии упоминаются как пять хлебов, так и семь. Видимо, проблема здесь, скорее, не в количестве буханок, а в том, что вопрос, который должен был обсуждаться в контексте цивилизованного богословского диспута, предпочли решить командно-административными методами;

11) Замена старинного церковного пения «в унисон» на многоголосие, как в католичестве, когда разные части службы поются и читаются одновременно. Оно, может быть, по-новому

красивее звучит, да и служба быстрее проходит, однако прихожанам за пением совершенно не понятно слов;

12) Постепенное ослабление древнерусских и древнегреческих иконописных традиций, отход от обратной перспективы и иных канонов, вытеснение их «фряжской» манерой письма. Всё это со временем практически привело к замене иконописи живописью. Нет, живопись – это тоже неплохо, но предложите любому барыге на выбор две иконы XIX -го, скажем, века, нового письма и старого, как вы думаете, какую он предпочтёт? Вот то-то же!

А также ряд других более или менее бессмысленных изменений в церковном убранстве, в облачении монахов и священников, в текстах молитв, в порядке церковной службы и некоторые богословские тонкости, в которые мы не будем здесь углубляться. Кстати, впоследствии выяснилось, что многие исправления были взяты Никоном не от греков и украинцев, а из собственной головы. По словам протопопа Аввакума, патриарх так говорил Арсению Греку: «Правь, Арсен, хоть как, лишь бы не по-старому». В результате там, где было напечатано «церковь», стало - «храм», где «храм», стало - «церковь», где «отроки», там - «дети», вместо «креста» - «древо», вместо «певцы» - «песнословцы»... Создаётся впечатление, что Никон просто хотел показать свою власть, а заодно и иметь формальный повод нейтрализовать тех, кто потенциально был готов к сопротивлению.

Современному читателю всё это может показаться бессмысленным. Стоило ли ради пустых обрядов идти на смерть и муки? Однако верующим того времени эти обряды отнюдь не казались «пустыми» и «бессмысленными». Религия для людей средневековья была не просто смыслом, она была основным содержанием их жизни, а религию они познавали именно через обряды. Ведь подавляющее большинство населения могло что-то узнать о своей вере только во время церковной службы, ибо книги были дороги, да и грамотных людей в Московии недоставало. «Разбили сосуд – куда девалась влага?» - как скажет гораздо позднее Достоевский.

Из-за таких или почти таких же обрядовых и богословских тонкостей, невнятных сейчас большинству верующих, относящих себя к той, либо иной конфессии, уже тысячу лет воевали, предавали анафеме и жгли на кострах, из-за них христианская церковь, а с ней и вся Европа разделилась на восточную и западную, что особенно больно ударило по славянским народам, причинив многовековые распри и катаклизмы. Признать все эти жертвы бессмысленными значило для средневекового человека похерить не только свою жизнь, но и всю историю своего народа.

Позволю себе напомнить, что не старообрядцы первые начали, и если они были готовы идти на смерть и муки, то и последователи Никона показали не меньшую готовность убивать и мучить, а значит – и для них эти обрядовые различия были тогда достаточно важны. Самое смешное (простите за подобное слово в данном контексте), что теперь именно «новолюбцы» (к примеру – дьякон Кураев) обвиняют староверов в нетерпимости, поскольку де они из-за своего «обрядоверия» никак не хотят с ними объединяться. И это при том, что РПЦ до сих пор даже формально не покалась в своих преступлениях. А это значит, что их церковная верхушка продолжает считать, будто они правильно жгли, пытали, резали руки и языки, держали в тюрьмах, обкладывали тройным налогом и т.д., и если они не делают этого сейчас, то лишь потому, что не имеют такой физической возможности. Дело Никона живёт и побеждает!

Почему же «реформаторы» добились своего? Почему 90% жителей Московии смирились с непонятными им новшествами, а не поднялись, дабы защитить то, что было им завещано от деда-прадеда? Думаю, здесь мы должны вернуться на 13 веков назад, к моменту объединения христианской церкви с римским государством. Сей сомнительный союз внёс в учение церкви глобальное противоречие, тормозящее развитие этой религии и, несомненно, виновное в духовном кризисе, поразившем европейскую цивилизацию. Главный вопрос ведь не в самих

обрядках, а в том, имеет ли власть право диктовать людям, во что им верить? Власть, поминая оказанные ею церкви услуги (вроде так называемого «крещения Руси»), была однозначно уверена: имеет и даже должна. Однако не все были готовы с нею согласиться...

Но не стану дальше распространяться на эту тему, дабы не быть обвинённым в пристрастности. Напоследок приведу один аргумент, который, как мне кажется, стоит любых богословских диспутов: настоящие христиане людей на кострах не жгут! Поскольку Сам Иисус Христос не сжёг ни одного человека. Аминь.

Никон и Соловки

Не суда ли к нам плывут, не сюда ли?
Не воюйте вы, монахи, с государем!
На заутренней отстойте последней
Отслужить вам не придётся обедни!

А. Городницкий

Однако вернёмся к нашим монахам. Для Соловков конфликт с властью, как светской, так и духовной, начался задолго до официального введения церковной реформы. Если в Москве Никону удалось ввести в заблуждение «кружок ревнителей благочестия», то в далёком северном монастыре на его счёт никогда не питали иллюзий. Ещё в 1639-м году будущий реформатор был вынужден покинуть Троицкий скит на Анзерском острове архипелага из-за конфликта со своим духовным отцом, Елезаром Анзерским. Старообрядческое предание говорит о том, что святой старец в пророческом видении узрел огромного чёрного змея, оплетшегося вокруг шеи Никона в то время, когда он служил литургию, в чём Елезар увидел предвестие соблазну, который должен был прийти в церковь от его постриженника.

Здесь я сразу должен оговориться, что слова «по преданию» отнюдь не означают, будто сведения недостоверны. Это значит лишь то, что они не имеют альтернативного подтверждения в других источниках. Однако, поскольку большинство фактов, упомянутых в старообрядческих писаниях, принципиально не противоречат официальным архивным материалам, у нас нет оснований подвергать их огульному сомнению.

Став в 1649-м году митрополитом Новгородским, в чьём официальном подчинении находилась и Соловецкая обитель, Никон стал всячески притеснять место, давшее ему когда-то приют. Новый начальник забросал настоятеля Илью бессмысленными приказами, по малейшему поводу пытаясь влезть, в буквальном смысле, во внутренние дела монастыря со своим уставом. Так, прекрасно зная, что на островах плохо с хлебом, особенно – с белым, Никон категорически потребовал, чтобы просфоры пекли только из пшеничной муки, а в посты по субботам и воскресеньям не вкушали рыбу. На все возражения митрополит грозил отлучением от церкви и иными карами.

Однако самого себя Никон переплюнул в 1652-м году, когда, прибыв на Соловки с официальным визитом, владыка стал рыскать по обители «аки волк», ища, чего бы присвоить: увидел старинное Евангелие в дорогом переплёте на аналое – хватать!, увидел панагию, расшитую жемчугом и самоцветами – на себя!, как будто восьмая заповедь митрополитам не писана. Но главной целью Никона была рака (ларец) с мощами митрополита Филиппа. Украл он её не просто так: пройдя с останками почитаемого в народе святого крестным ходом через всю Московию, митрополит Новгородский воспользовался телом мученика, как тараном, чтобы пробить себе дорогу на патриарший престол.

А уж став патриархом в 1653-м году, Никон закинул первый пробный шар: «По преданию святых отцов не подобает в церкви метания творити на колени (имеются в виду земные поклоны – О.Б.), но в пояс бы вам творить поклоны; ещё бы и тремя перстами крестились». Вот так просто, буднично, как бы между прочим, был нанесён удар по соблюдавшейся веками церковной традиции. Этот указ во многом предвосхитил по стилю дальнейшие писания «новолюбцев»: приказной безапелляционный тон, почти полное отсутствие аргументации, а порою – наглая неприкрытая ложь. Кроме всего прочего, патриарх противоречил высоко почитаемому в народе и у духовенства «стоглавому» собору 1551-го года, повторившему греческую формулу XII-XIII-го вв.: «Если кто не знаменуется двумя перстами, как и Христос, да есть проклят».

Далее последовали соборы 1654, 1656, 1666 и 1667-го годов, благословившие никоновы реформы и подвергшие клятвам (проклятиям) всех несогласных с ними. Церковные иерархи, приглашённые на эти собрания, тщательно подбирались, а затем – подвергались подкупу либо запугиванию. Сразу после патриарха своё мнение высказывал присутствующий на соборе самодержец, что должно было донести до сведения собравшихся, какого решения от них ждут. Тех, кто пробовал противиться, ждали суровые кары, дабы иным неповадно было. Так, епископа Павла Коломенского (в будущем – активного старообрядца, умершего в изгнании при подозрительных обстоятельствах), попытавшегося было что-то возразить против «исправления» богослужебных книг, Никон собственноручно избил прямо на соборе (!).

Соборы 1666-67-го гг. проходили уже без Никона. Когда Алексей Михайлович попытался обуздать амбиции своего зарвавшегося «собинного друга», который уже не только в церковных, но и в гражданских делах стал перебирать на себя царские полномочия и даже письма подписывал: «великий государь», тот обиделся и удалился в недавно построенный им Воскресенский монастырь, не сняв, однако, с себя патриаршеского титула. Чтобы придать своим действиям «законный вид и толк», а своему судилищу – статус вселенского собора, царь пригласил двух греческих патриархов: александрийского Паисия и антиохийского Макария. Впрочем, патриархами-то они назывались скорее по традиции: в их окормлении находилось всего лишь по несколько храмов, сами они жили в изгнании и большую часть жизни проводили, собирая «милостыню».

Сказать, что заморских гостей подкупили, значит ничего не сказать. Их осыпали золотом, закутали в парчовые ризы, украшенные жемчугом и алмазами, так что, сидя на соборе, они затмевали пышностью убранства самого царя. Ежедневно патриархи получали дорогие подарки от российского самодержца, митрополитов, бояр и городских общин. Даже «хлебного довольствия» приезжим давали столько, что Паисий и Макарий со своей свитой были не в силах всего съесть, и их слуги потихоньку приторговывали продуктами на рынке.

Лишив сана, предав церковной анафеме и различным светским наказаниям протопопа Аввакума, диакона Феодора, иерея Лазаря и прочих ревнителей древнего благочестия, собор взялся и за опального патриарха. Но этот оказался твёрдым орешком, ибо знал толк в церковно-придворных интригах. А потому с порога спросил: а кто, мол, меня, собственно, судит? Тут царь и задумался: действительно, кто? Навёл справки, и выяснилось, что патриархи Иерусалимский и Константинопольский своей властью низвергли Паисия и Макария из сана за то, что те на многие годы оставили свои епархии и не выполняют архипастырских обязанностей, а на их место уже назначили других людей.

Назревал грандиозный скандал. Поставьте себя на место российского самодержца: если откроется, что восточные «владыки», которых он задарил и обласкал, теперь фактически никто, то вся его тщательно подготовленная авантюра превращается в пшик. А как же венчание в Софии Константинопольской? В спешке строчит Алексей Михайлович послание Цареградскому патриарху, где деликатно просит его отменить принятое решение, но Дионисий неожиданно упёрся рогом. И ведь не прикажешь ему – далеко...

1917-1930

Что тут делает наш царь православный? Он пишет турецкому султану, а тот, по его просьбе, смещает Дионисия и способствует назначению на освободившееся место более покладистого патриарха. Так что всё обошлось, Никона низвергли, Аввакума сослали в далёкий Пустозерск, спустя полгода Паисий с Макарием восстанавливаются на своих кафедрах. Правда, получается, что староверов и патриарха они судили без титулов, но кого интересуют подобные детали? А там и следующий собор подошёл.

Собор 1667-го года был всем соборам собор. Окончательно подтвердив и усугубив страшные клятвы на «еретиков», виновных лишь в том, что держались веры своих предков, собравшиеся не постеснялись «разрешить» и похулить решения Стоглавого собора: «тую неправедную и безрассудную клятву Макариеву (в настоящее время митрополит Макарий канонизирован РПЦ – О.Б.), и того собора, разрешаем: и той собор, не в собор; и ту клятву, не в клятву; но ни во что вменяем, якоже не бысть (курсив мой – О.Б.)». Воистину, святые отцы собрались на соборе: это ж какую святость нужно иметь, чтобы сделать то, что было, тем, чего не было?! Вношу ясность: по каноническим правилам собор – высший церковный законодательный орган; церковь просто не может отменять решения предыдущих соборов, даже силой следующего собора. Если же такое всё-таки происходит, значит, с этого момента начинает существовать другая церковь. Так что зря РПЦ с такой помпой отмечала своё тысячелетие, на деле ей в этом году исполняется только 340 лет.

Ничего не подозревая о том, что произошло во дворце...

Пусть мы головы положим
Да по-старому послужим
Слуги вечны Богу будем
И во Царствии пребудем

Духовный стих «Соловецкое сидение»

А в монастыре всё это время была тишь да гладь. Уже протопоп Аввакум с семьёй сослан в далёкую Даурию, Логгин – в Муромские пределы, иерей Лазарь – в Тобольск, диакон Феодор приговорён к отсечению языка, у боярыни Морозовой конфисковали половину вотчин, здесь же – словно время остановилось. Хотя Соловецкий архимандрит Илья и побывал на соборе 1654-го года, и даже, кажется, что-то там подписал, служить и жить в обители продолжали по-старому, приезжие просто диву давались. Краина есть краина.

Только в 1657-м году на острова были присланы новые, «исправленные» книги, со строгим царским указом вести теперь службу только по ним. Однако соборные старцы (что-то вроде монастырского парламента) вместе с архимандритом Ильёй от греха подальше спрятали их в оружейную палату. В следующем году на большом монастырском соборе было решено не принимать новопечатанного служебника, о чём подписались все монахи и трудники. Одновременно Герасим Фирсов пишет полемический труд «Послание ко брату», где, ссылаясь на хранящиеся в монастырской библиотеке харатейные (пергаментные) книги, аргументировано опровергает основные положения никоновой «Скрижали».

Создаётся впечатление, что соловчане попросту надеялись потянуть время. Царь написал, они ответили, письма до Москвы идут долго, глядишь – летнее судоходство завершилось, значит – ещё годик перекантовались. А там – или шах умрёт, или ишак... Не получилось.

В 1658-м году отправился в добровольное изгнание Никон. Многие приверженцы «отеческого благочестия» связывали с этим событием окончание репрессий. Гонения на староверов тогда и вправду несколько поутихли: царю было не до них, он торопился разобраться

со строптивым патриархом. Алексей Михайлович, собирая на него компромат, даже послал грамоту на Соловки, чтобы выяснить, не отнял ли Никон чего у обители незаконно? Впрочем, всё это было временным...

В 1659-м Господь сподобил престарелого архимандрита Илью мирно скончаться в старой вере. Счастливчик! Большинство соловецких монахов, бельцов (послушников) и трудников хотели видеть его преемником соборного старца Никанора, известного своим аскетизмом, неустанной заботой о благе обители, а главное – твёрдой приверженностью старым обрядам. Однако самодержец своей волей назначил его настоятелем недавно отстроенного Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Поэтому монастырская братия избрала игуменом Варфоломея, десять лет прожившего в обители в примерном поведении и скромности, а также проявившего незаурядные хозяйственные способности при строительстве вологодского подворья.

Однако, когда в 1660-м году новопоставленного архимандрита утвердили в Москве, власть вскружила ему голову. За шесть лет правления Варфоломей вызвал в монастыре всеобщее неприятие своим постоянным пьянством и беспутным житием, несправедливыми притеснениями монахов и трудников, тем, что, изгоняя с руководящих мест достойных, всеми уважаемых людей, он назначал вместо них своих любимчиков весьма сомнительного поведения, поощрял в обители взяточничество и наущничество (доносительство). К тому же, больше заботясь о своём влиянии в столице, чем о монастырском хозяйстве, игумен растратил в Москве огромные суммы на званые обеды и подарки власти имущим, чем, фактически, опустошил казну общежительства.

Чаша терпения соловчан переполнилась в 1666-м году. Будучи человеком, не отягощённым какими-либо идеологическими убеждениями и моральными принципами, Варфоломей, однако, дабы сохранить свою власть в обители, вынужден был изображать перед братией сторонника древнего благочестия. Он даже согласился повёзти в Москву на собор челобитную в защиту старой веры, составленную и подписанную общемонастырским собором, однако не подписал её сам, поскольку она-де написана «несогласно». Исправленная челобитная, с пропущенным местом для подписи игумена, догнала Варфоломея уже в дороге, а тот, прибыв в Москву и поняв, куда ветер дует, использовал её, как донос против своих братьев. Сам же, ничто же сумняшеся, принял новые обряды и занял подобающее кресло на соборе.

Когда сия весть докатилась до Соловков, возмущению братии не было предела. Соловчане тут же собирают большой «чёрный» (всеобщий) собор, где единодушно низвергают архимандрита-предателя и всех его ставленников. На его место «самочинно» (то есть – не спрашивая московские и новгородские власти) назначили всё того же Никанора. С трудом вырвавшись на родные острова, старец вот уже несколько лет отказывался вернуться в Москву, отвечая государю отписками о плохом здоровье. Однако в следующем, 1667-м году, ему всё-таки пришлось отправиться на собор по настоянию соловецких монахов и трудников, дабы отстаивать там старые обряды и рассказать о бесчинствах Варфоломея.

Только приехав, бывший Саввино-Сторожевский архимандрит со своими спутниками подвергся сильнейшему давлению со стороны светских и духовных властей. Царь хорошо понимал, какое влияние имеет Никанор в монастыре, а потому то посулами, то угрозами пытался склонить его на свою сторону. В случае согласия соловецкого посланца обещали утвердить в звании архимандрита его обители и засыпать монаршьей милостью, при отказе – отрезать язык и заточить в подземелье.

Возможно, старец действительно поддался на уговоры, а позднее раскаялся, но, скорее всего, он просто проявил хитрость, и то, и другое было нередким в те дни. Никанору пришлось публично «без сомнения принять» новые книги перед собором, служить по ним службу и даже

надеть «рогатый» клобук (монашеский головной убор) по новой греческой моде. Не раз ему, должно быть, вспомнился псалом: «Блажен муж, иже не идет на совет нечестивых...». Старец на всё пошёл, лишь бы встретить годину испытаний в родных стенах вместе с братьями по вере и духу.

После собора и торжественного обеда в Кремле на острова отправились сразу три архимандрита. В присланной монахами челобитной на Варфоломея упоминались такие вопиющие факты, что даже царь не мог от них отмахнуться, а потому отправил его... игуменом в другой монастырь. Но перед этим бывший соловецкий правитель должен был сдать дела своему преемнику, которым был назначен, однако, не Никанор, а строитель московского подворья Иосиф. Как видим, Алексей Михайлович не умел быть честным даже в мелочах. Впрочем, чего ждать от человека, затеявшего мошенничество с медными деньгами.

Избранный же соловчанами Никанор должен был помогать «приводить на истину» мятежный монастырь своим двум коллегам в качестве простого монаха. Та не все так сталося, як гадалося...

Это была не первая попытка «увещевать» соловчан: за год до этого, после предательства Варфоломея, на острова приехал «для великих церковных дел и... великого государя сыскного дела» (в России подобные «дела» часто ходят рука об руку) Спасо-Ярославский архимандрит Сергей во главе комиссии из нескольких духовных и светских чинов. С ними также прибыло десять стрельцов с сотником. Столь скромный эскорт говорит о том, что посланные не ожидали встретить в обители организованного сопротивления.

Однако, увидев, что никакой помощи в проведении следствия по доносу Варфоломея соловецкие монахи и трудники оказывать ему не собираются, мало того, что церковное начальство, к которому были адресованы царские письма, уже смещено, Сергей решил выполнить свою миссию не мытьём, так катаньем, и вступил с соборными старцами в богословский диспут. Однако и тут агитатора ждало полное фиаско: новый казначей Геронтий разгромил его доводы, опираясь на письменные источники, которые там же и зачитал.

Правда, у Сергея была припасена беспроегрешная иезуитская уловка. Он спросил у оппонентов, православен ли великий государь Алексей Михайлович? А православны ли российские архиереи и освященный собор? На эти вопросы, естественно, соловчане вынуждены были ответить утвердительно. Ободренный успехом, Спасо-Ярославский архимандрит закрыл логическую вилку: а православно ли их повеление? Путь дальнейших рассуждений понятен: если «да», то почему же вы их не послушали? А ответить «нет» значило автоматически признать себя еретиком и изменником со всеми вытекающими. Попробуй-ка тут поспорь, когда исходным пунктом дискуссии является то, что твой оппонент прав всегда и во всём!

Соборные старцы тогда ушли от прямого ответа, сказав, что повеления царя и собора не хулят, но новой веры не принимают, ибо держатся предания святых чудотворцев, основателей монастыря. Мы же сегодня, когда над нашей шеей не висит топор московской инквизиции, можем ответить обвинителям словами апостола Петра: «Надлежит ли нам послушать вас, а Бога слушаться?» («Деяния апостолов») и апостола Павла: «Даже если ангел с небес скажет вам не то, что мы говорим вам... и даже если мы сами (курсив мой – О.Б.) скажем вам это, да будет анафема» («Апостольские послания»).

Без особого почёта встретили соловчане и Варфоломея с Иосифом, прибывших на Заяцкий остров архипелага. Направленные к ним соборные старцы отказались принимать от назначенного против их воли игумена новое «имясловное» благословение. Почти насильно они заставили обоих архимандритов отправиться на Большой остров, чтобы зачитать царский и патриарший указы пред всеми монахами и трудниками обители, сказав: «Не поедешь де ты в

честь, и мы тебя не отпустим с государевою казною, потому ж что де не считаны вы оба». Но до этого, ещё на пристани в Заливе Благополучия, из ладьи московских посланцев вытащили и разбили 39 (!) больших, малых и средних бочек вина (в те времена так обычно называли водку), а также 15 бочек мёда и пива. Даже учитывая любовь Иосифа и Варфоломея к выпивке, трудно предположить, что гости собирались «употребить» всё это единолично. Очевидно, новоназначенный игумен планировал, по примеру Брюховецкого, спить братию, дабы склонить её к принятию нужного ему решения.

Государев указ, как и следовало ожидать, содержал категорическое требование принять нововведения и во всём повиноваться назначенному царём архимандриту. Также были подтверждены проклятия староверам. После того, как волю монарха огласили перед Чёрным Собором, казначей Геронтий прочитал собравшимся новую челобитную Алексею Михайловичу. В ней говорилось о том, что приходит конец мира и наступает царство Антихриста. Если российский самодержец не хочет погубить свою страну и надеется избежать кары Господней, он должен отказаться от выбранного им гибельного пути. Соловчане же высказали единодушную готовность умереть за правое дело.

Желая показать, что во всём, что не касается вопросов веры, они остаются лояльными к светской и церковной власти, соборные старцы заявили Иосифу, мол, примут его с честью и будут слушать, как Бога, если только он будет служить церковную службу по-старому. Если же нет, то «нам ты, архимандрит, не надобен с такой службой в архимандриты, живи в своей келье». А вот Варфоломей не уберётся, его слегка помяли: уж очень у многих был на него зуб. Впрочем, когда братия успокоилась, оба царских посла были размещены в скромных кельях под охраной, а еду им приносили с общего стола. Вскоре они покинули негостеприимный остров безо всяких препятствий. Совсем другая встреча ожидала Никанора. Его, правда, тоже спросили «для чего ты, Никанор, клубук переменял?», однако стоило «нововыбранному самовольно» игумену сказать: «Я стану вас благословлять по-прежнему», как соловчане простили ему ложное невольное отречение.

Под руководством нового архимандрита составляется очередная челобитная царю. Соловецкие челобитные сильно отличаются по тону от «огненных листов» протопопа Аввакума. Каждая строчка в них проникнута смирением, однако за словами покорности проглядывает твёрдая решимость не уступать в принципиальных вопросах. «Мы – говорится в послании, составленном 6-го октября 1666-го года – во всём послушны великому государю, кроме никогда не ведомых на Руси церковных нововведений. Молимся за царя и его семью, готовы души свои за их царское величество положить. Не из упрямства и ослушания к нему, великому государю, но боясь суда Божия и отлучения от преданий святых отцов, при которых православная христианская вера сияла, как солнце на небе, просим помиловать нищих своих богомольцев и велеть нам оставаться в прежнем благочестии, чтобы его государеву Соловецкому монастырю, украинному (окраинному – О.Б.) и порубежному месту, от безлюдства не запустеть и нам всем врозь не разбрестись».

Противники старообрядцев любят говорить о «непримиримости» «раскольников», о том, что староверы не хотели идти ни на какие уступки и компромиссы. Алексею Михайловичу даже приписывают такие слова, обращённые к Аввакуму: «Крестись, как хочешь, только собакой меня не называй», на что «неистовый протопоп» вроде бы ответил: «Собака ты и есть!» (?)

Однако обратите внимание: единственное, о чём просят соловецкие жители в своей челобитной – позволь нам, нам одним, в порядке исключения, эксперимента, у себя в обители служить по-старому. Не дали. И после этого у кого-то ещё поворачивается язык обвинять староверов в нетерпимости!

В челобитной, составленной в конце сентября 1667-го года, тон становится более решительным, что и понятно: отказавшись принять назначенного в Москве архимандрита, монахи пошли на прямой конфликт с властью. Заканчивается письмо словами: «Если ты, великий государь наш, помазанник Божий, нам в прежней, святыми отцами переданной, в старой вере быть не благоволишь и книги переменить изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, больше к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной веры переменять, и вели, государь, на нас свой меч прислать царский и от сего мятежного жития переселить нас в безмятежное и вечное житие!».

Надежда, как говорится, умирает последней. Даже в этих суровых словах чувствуется желание затронуть сердце монарха, подсознательное упование: не решится, не посмеет...

Ха! Не с тем связались. Что ему какой-то «украинный» монастырь, если он вскоре родственницу своей первой жены, вдову знатного боярина, брата своего воспитателя, Феодосию Морозову не постесняется посадить в тюрьму, подвергнуть пыткам и сослать в далёкий Боровск, и всё – лишь за приверженность древним обрядам, в которых и сам он родился и вырос? «Мужик – что бык, втемяшется в башку какая блажь, колом её оттудова не выбьешь» - это ведь Некрасов не только о русских крестьянах писал.

Царские грамоты, прибывшие в обитель 23-го февраля 1668-го года вместе с небольшим отрядом стрельцов под командованием сотника Чадуева, убили последние сомнения. В них Алексей Михайлович грозил «Никанору, бывшему архимандриту, и иным раскольникам» страшными карами. Царь призывал «соборных и рядовых старцев, которые святой соборной и апостольской церкви не противны и нам, великому государю, послушны» не подчиняться монастырским властям «нововыбранным самовольством, без нашего, великого государя, указа», а трудников, монастырских слуг и приезжих богомольцев – немедленно покинуть мятежную обитель. Указ с одной стороны усугублялся анафемой трёх патриархов (Паисия александрийского, Макария антиохийского и недавно поставленного на место Никона Иоасафа московского), а с другой – полной экономической блокадой Соловков с конфискацией всех монастырских земель, вотчин, промыслов и иного имущества.

Но не дрогнули соловчане. Они дружно составляют новую челобитную, где обещают, «что если и тьмами себе смерти узрим от них, новых учителей, и крови свои прольём, но православной своей веры истинной непорочной и предания и устава преподобных отцов Зосимы и Савватия не изменим до смерти». Стойкость этих обречённых людей произвела сильное впечатление на стрельцов и на самого Чадуева, а потому, едва позволив своим бойцам отстоять воскресную службу да поклониться мощам отцов-основателей монастыря, сотник увёл их на струг и, не смотря на плохую погоду, уплыл к сумскому острогу, а мятежные монахи остались поджидать новых гостей. Они не заставили себя долго ждать: 22-го июня 1668-го года на острове высадилась сотня стрельцов под командованием стряпчего Игнатия Волохова. Осада христианского монастыря его собственным «христианским» государством, событие, которому трудно подобрать аналогию в мировой истории, продлившаяся 8 лет, началась.

Осада

Пушечки медные – наши защитницы
Громогосые колокола
Мы окропим вас святою водицею
Обороните обитель от зла!

Г. Ситько

На первый взгляд может показаться, что положение осаждённых было не таким уж безнадежным. Мы уже описали в начале работы толщину и высоту монастырских стен и башен. Эти стены защищали 90 мощных орудий старого русского и голландского литья, не считая малых пушечек, пищалей, мушкетов, крепостных арбалетов и т.д. Крепость охраняло около 700 человек взрослых мужчин, многие из которых в недавнем прошлом были стрельцами, казаками, беглыми холопами, участниками Медного бунта в Москве 1662-го г., а то и просто разбойниками, замаливавшими там свои грехи. Они неплохо умели обращаться с оружием и могли обучить этому других.

У монахов было припасено 900 пудов пороха, немалый запас ядер, пуль, стрел и разного оружия, а также зерна, сушёной рыбы и иного провианта. В перерывах между боями они отдыхали в хорошо отапливаемых кельях, а царским воинам приходилось ютиться в шалашах и наскоро сколоченных времянках, греясь у костров и питаясь, практически, одним хлебом. На зимний период (то есть – примерно с октября по май) осаждающие войска, опасаясь холодов и прекращения связи с большой землёй, перебирались на материк. За это время монахи успевали запастись дровами, грибами и ягодами, а также озёрной, речной и морской рыбой.

Монастырский рыболовный флот, вооружённый небольшими пушками, совершал рейды по северному побережью России, где закупался всем необходимым, умудряясь при этом платить пошлины в казну, иногда даже брал пленных. Не смотря на строгие запреты властей, в обитель продолжали прибывать паломники, многие из которых помогали осаждённым оружием, припасами, информацией о перемещении царских войск, а то и сами присоединялись к восставшим.

Казалось бы, в таких условиях можно хоть век держать оборону. Однако не всё обстояло так гладко. Вспомните, что общая протяжённость крепостной стены – более километра. То есть даже если бы все защитники монастыря одновременно поднялись на стену, каждый из них должен был бы контролировать почти два метра укреплений. А это очень много, особенно если у тебя в руках не автомат Калашникова, а мушкет, который нужно с минуту заряжать, чтобы сделать один-единственный не слишком точный выстрел! Прибавьте к этому, что для обслуживания пушки необходимо как минимум два, а то и – три-четыре человека, плюс на каждую из восьми башен требуется усиленный гарнизон. Да ведь и люди-то – не роботы. Им нужно есть, пить, спать, справлять естественные надобности... То есть – сменяться минимум раз в сутки.

Но и это ещё не всё. Почти 300 человек из осаждённых были монахами, попами и диаконами. Поясняю: особа священного звания не то, что убить, но и просто ударить человека рукой не имеет права; за это полагалось немедленное низвержение из сана. Воевали бельцы, трудники, позднее – прибывшие на помощь к восставшим паломники. Иноки же готовили для защитников пищу, лечили раненных, помогали доставить на стены всё необходимое, ну и, конечно, молились за своих бойцов. По некоторым свидетельствам, архимандрит Никанор даже лично кадил и окроплял освещённой водой пушки, приговаривая: «Матушки мои галаночки, надежда у нас на вас, вы нас обороните».

Однако оружия они в руки не брали. Это уже позднее новообрядческие священники не стеснялись лично принимать участие и в казнях, и в допросах «с пристрастием», и даже в карательных экспедициях против староверов, облачившись в «немецкое» военное платье и подпоясавшись шпагой (ранее их низвергли бы уже только за это!). В Соловецком монастыре правила соблюдались строго...

Среди оставшихся четырѐхсот защитников обители также не все могли участвовать в боевых действиях по причине полученных ран, увечий, болезней (33 человека умерло от цинги из-за отсутствия свежих продуктов и зелени) или преклонных лет. Строго говоря, Соловецкая крепость вообще не была рассчитана на длительную осаду превосходящими силами противника. В задачу монахов входило лишь отражать атаки небольших отрядов неприятеля, или же, в случае нападения вражеской армии – продержаться некоторое время до прихода помощи с материка. К тому же за долгие мирные годы возле монастырских стен появилось множество хозяйственных и церковных построек и пристроек, мешавших эффективной обороне.

Исходя из вышеизложенного, то, что обитель продержалась так долго, кажется почти чудом. Правда, соловчанам помогала вода: с двух сторон врагу не позволяли приблизиться к цитадели Святое Озеро и морская губа, с третьей – оборонительный ров. Но когда ударят морозы, это преимущество должно было сойти на нет...

Конечно, мало у какого военачальника хватит сил и средств, чтобы атаковать такую большую крепость со всех сторон сразу, однако у него есть одно серьёзное преимущество: он знает время и место, когда пойдёт на штурм, а осаждённые, как правило, нет. А потому защитники твердыни постоянно должны были держать наготове, кроме обычных дозоров на стенах, отряд быстрого реагирования, чтобы вовремя отбросить нападающих. При этом ещё остаётся риск поддаться на провокацию и оставить беззащитным участок, на который придѣтся основной удар захватчиков.

Впрочем, очевидно, вначале царь не воспринимал восставших монахов как серьёзную военную силу. Присланных стрельцов было до смешного мало (сто, а затем ещё 125 человек), так что они, не имея возможности штурмовать хорошо укрепленные стены и опасаясь ночных вылазок со стороны осаждённых, жили на Заяцком острове, ограничиваясь обстрелами обители из пушек и пищалей да посылкой «увещательных грамот». Вторая мера оказалась более успешной. В монастыре образовался заговор коллаборационистов, готовых сдать беломорскую твердыню в обмен на царскую амнистию. Однако заговор был раскрыт, предатели изгнаны из монастыря, а воевода Волохов остался ни с чем.

Алексей Михайлович постоянно требовал от стряпчего более решительных действий, на что тот резонно отвечал, что «утеснения в монастыре им, вора́м, нынешним зимним временем учинить никакого нельзя, кроме летние поры и осады, а осадить монастырь крепко надобно людей тысяча не одна». Но царь не мог прислать столько стрельцов: в стране как раз вспыхнуло восстание под предводительством Разина, так что воины были нужны ему в другом месте.

Так продолжалось 4 года. Зимую в Сумском остроге, Волохов часто ссорился с царским ставленником, Иосифом, оставшимся в двойственном положении игумена без монастыря. Они постоянно слали друг на друга клеветы в столицу, порой меж ними доходило и до драки, пока однажды воевода не избил архимандрита прямо во время обедни и не бросил его в тюрьму. Наконец, царю всё это надоело, и в марте 1672-го года он отозвал обоих деятелей в Москву.

На место Волохова к стенам мятежной обители в августе того же лета был прислан московский сотник Климентий Иевлев. Получив в подкрепление ещё 500 двинских стрельцов, новый воевода начал свою деятельность с мелких пакостей. Он перерезал монастырский скот, растоптал огороды, пожег служебные строения, оставшиеся за стенами крепости, а также

рыбачьи сети, лодки, сено, дрова и даже иконы – словом, всё, до чего смог добраться. Этим вандализмом, кстати, сотник оказал самому себе медвежью услугу – теперь его людям на подступах к цитадели было не за что прятаться.

В следующем году Иевлев действовал несколько более конструктивно. Сотник попытался заблокировать крепость с моря и с берега, для чего начал рыть укрепления и строить шанцы. Осаждённые отвечали на эти действия яростным огнём, так что сотня двинских стрельцов взбунтовалась, отказавшись идти на вылазку под стены обители. В челобитной царю они написали, что их посылали на верную смерть. К тому же на злоупотребления воеводы жаловались сумские монастырские старцы, да и сам он неоднократно просил освободить его от командования.

В сентябре 1673-го года командующим карательной экспедицией был назначен стольник Иван Мещеринов. Сразу стало понятно, что за монастырь решили взяться всерьёз...

Однако сейчас давайте ненадолго отвлечёмся и попытаемся представить, каким оружием и как велись войны в те далёкие времена.

Стрельцы

Ветром южным паруса задышали
Рати дружные блестят бердышами
Бою выучены царские люди
Никому из вас пощады не будет!

А. Городницкий

Эти бородатые фигуры в цветных (в основном – красных) кафтанах и отороченных мехом шапках должны быть хорошо знакомы Вам по картинкам в учебниках истории да по старым советским фильмам. В пропетровски ориентированной историографии над ними принято смеиваться. Действительно, царь-реформатор стрельцов не жаловал (в основном за то, что они его напугали в детстве), однако всё равно использовал – и под Азовом, и под Нарвой, и под Полтавой. До XVIII -го века они были основным, да что там – практически единственным регулярным воинским формированием Московии. Их первыми бросали в бой в случае мятежей или пограничных конфликтов. Так что не так уж они и плохи, и если стрельцам иногда недоставало дисциплины либо военной выучки, то в личной храбрости им никто не отказывал.

По легенде, первые стрельцы прибыли в Москву из Украины. Что ж, вполне возможно, не даром ведь украинские повстанцы начала XX -го века назвали себя «с івові стрільці ». Как говорит само название, основной задачей стрелецкого войска в бою была стрельба. Однако окончательно уравнивать их с европейскими мушкетёрами (кстати, действие знаменитой трилогии Дюма происходит приблизительно в описываемый нами период), мешает то, что русское слово «стрелять» вызывает ассоциацию скорее не с мушкетом и пистолетом, а с луком или самострелом. Итак, московские стрельцы изначально были лучниками.

Русский лук – разновидность скифского сложного (составного) лука, имеющего форму двойной дуги. Он был довольно дорог и трудоёмок в изготовлении, ведь его приходилось склеивать сверхпрочным клеем (на Руси этот состав варили на осетрах) из нескольких фрагментов, выполненных из дерева различных пород, кости, иногда – металла. Однако и стрелял этот лук в полтора-два раза дальше обычного, сделанного из цельного куска дерева, тех же размеров. Подобное оружие известно более трёх тысяч лет, им воевали ещё гунны, парфяне и персы, оно описано Гомером в «Иллиаде». В Европе последний раз скифский лук использовали во время наполеоновских войн башкиры и калмыки, служившие в составе российской армии.

Наверное, просто невозможно изобрести в данной области ничего более совершенного, не даром современный спортивный лук обычно копирует ту же форму.

К середине XVI-го века армии западной Европы окончательно отказались от метательного оружия. Однако в Московское царство все тенденции приходят с «небольшим» запозданием. Так, один советский историк с гордостью писал о том, как в 1552-м году, во время осады Казани, войско Ивана Грозного впервые (!) применило ручное огнестрельное оружие. Но был ещё один фактор, почему москвиты не торопились расставаться со старым испытанным другом: постоянная военная опасность, исходившая от татар и иных кочевников, главную силу которых составляла лёгкая конница, в основном состоящая из лучников. Ведь уступая мушкету по дальности боя и пробивным способностям, лук во много раз превосходил его по скорострельности, так что в этих условиях комбинация из огня и стрел была вполне оправдана. Скорее всего, так обстояло дело и при штурме Соловецкого монастыря, хотя большинство осаждающих, несомненно, уже имели на вооружении мушкет.

Мушкет, аркебуз, пицаль, кулеврина, самопал, ручница, мушкетон, как его только не называли... Короче – ружьё. Ко времени рассматриваемых нами событий из нелепой трубы, так – сяк приклёпанной к деревянной колоде, оно уже приобрело вполне знакомые нам очертания: приклад, ложе, ствол. В ствол с дула засыпался порох, затем шомполом досылался пыж, затем – пуля, затем – снова пыж. В таком виде ружьё просуществовало – страшно сказать – чуть не до самого конца XIX -го века, а кое-где мушкеты продолжали воевать и в XX-м. Изменялся лишь способ воспламенения пороха. Сперва к небольшой пороховой «затравке» на «полке», соединённой со стволом узким каналом, вручную подносили тлеющий фитиль (откуда и произошла в армии команда: «огонь!» или «пли!»).

Это было крайне неудобно, и через некоторое время фитиль снабдили S -образным рычагом, который уже несколько напоминает по действию современный курок. Вскоре рычаг усовершенствовали пружиной, либо быстро подводящей огонь к затравке, либо – наоборот, автоматически возвращающей курок в исходное положение, а к «полке» приделали крышечку, которую можно было открывать непосредственно перед стрельбой, чтобы затравка не сдувалась ветром и не промокала от сырости.

В середине XVI -го века появился колесцовый замок, изобретение которого приписывают самому Леонардо да Винчи. При нажатии спускового механизма предварительно заведённая пружина вращала металлическое колёсико, которое тёрлось о кусочек кремня, зажатый в «губках» курка. Высекалась искра, воспламенялся порох на полке и происходил выстрел.

Кремнёвый или ударный замок сделал всё ещё проще: кремень просто бил по огниву, и этим вызывал искру. Потом огниво соединили с крышкой пороховой полки, и она стала автоматически открываться в момент выстрела. Таких механизмов было разработано несколько типов: испанский, французский, английский и т.д. В этом виде ручное огнестрельное оружие просуществовало весь XVII-й и XVIII-й века, пока в начале XIX-го не был изобретён капсюль. Но об этом – как-нибудь в другой раз.

В Московии времён царствования Алексея Михайловича (и почему это всех царей зовут по имени, и только этого – всегда по имени-отчеству?) ружья, поставляемые в армию, были, в основном, покупные либо трофейные. Не то, чтобы русские мастера не могли хорошей пицали сделать – могли, и не хуже, а порой и лучше «немецких». Вот только... в нескольких экземплярах. Для царя, для бояр, для воевод, зарубежным гостям в подарок. Один Тульский заводик с Оружейным приказом не могли обеспечить мушкетами всю московскую армию, для развития ремёсел необходима частная инициатива, а где её взять в крепостной самодержавной стране?

Поэтому и приходилось российским монархам время от времени совершать более или менее крупные закупки за границей. А поскольку приобретали они оружие в разные периоды, в разных странах, у разных мастеров, то и типы замков были различны, как и калибры ружей. Но это – не велика беда: тогда к каждому мушкету и пистолу прилагались особые клещи-формочки, с помощью которых солдат прямо на привале у костра мог выплавить себе из свинцового или оловянного прута нужное количество пуль (откуда пошло выражение – «отлить пулю»).

Почти все ружья того периода были гладкоствольными, а значит, – дальность и меткость огня оставляла желать лучшего. Даже сегодня охотники жалуются, что «жекан» из дробовика летит, куда сам знает, и предпочитают пользоваться картечью. Так что для своего времени выражение «пуля - дура» было вполне справедливым. Поэтому на дальние и средние расстояния стреляли, как правило, залпами. Особенно эффективен был этот приём в борьбе с наступающей кавалерией.

Другой проблемой была низкая скорострельность. Отчасти её помогли решить патроны (не путать с современными, унитарными). Это были бумажные футлярчики с заранее отмерянной порцией пороха и пуль. По команде «скуси патрон!» солдат разрывал бумагу зубами, высыпал содержимое патрона в ствол и шомполом досылал пулю. Сам футляр выполнял функцию пыжа. У мушкетёров на груди обычно висела перевязь - бандольер с десятком таких патронов (стрельцы называли их «зарядцы», а перевязи - «берендейками»). С их помощью опытный боец мог сделать 2, а в хороший день – и 3 выстрела в минуту.

Кроме того, в западных армиях была разработана система построений и чередований шеренг: первая шеренга делала залп и отходила назад, наклонялась, становилась на колено либо ложилась на землю, чтобы дать возможность выстрелить следующей, затем то же самое делала вторая и т.д. Или боковые колонны перестраивались в первую шеренгу. Ещё была «улитка», когда команда стрелков раскручивалась спиралью, паля по очереди и перезаряжая ружья на ходу. Собственно говоря, именно с этой целью тогда и придумали «шагистику», которой до сих пор неизвестно зачем продолжают мучить несчастных новобранцев. А вот московские стрельцы были в этом искусстве не сильны.

Однако в те времена ни одно приличное сражение нельзя было выиграть одним только порохом, без хорошей рукопашной. А для неё необходимо эффективное холодное оружие. И оно у них было.

Бердыш – небольшая алебарда с односторонним лезвием в форме полумесяца. Он был своеобразной русской альтернативой багинету – прообразу штыка, представлявшему собой нож, который можно было вставить рукояткой в дуло ружья, временно превращая его в пику. Багинет только недавно появился на полях сражений Европы и призван был хоть немного защитить стрелков от атак кавалерии и пикинеров; в то время ещё никто не предполагал, насколько этот инструмент вскоре изменит облик западной армии.

Нижний конец древка русской алебарды имел небольшое копыцецо, чтобы, воткнув его в землю, бердыш можно было использовать вместо сошки для ружейной стрельбы. К тому же широкое лезвие топора давало стрелку некоторую защиту от вражеских пуль и стрел. Кроме бердыша и мушкета ему полагалась короткая прямая сабелька. На шапку стрельцы надевали в бою металлический колпак, под кафтанами у них часто была кольчуга, воеводы и офицеры, как правило, ходили в бой в латах или кирасах.

Стрельцы, можно сказать, были универсальным воинским подразделением: во время атаки из мушкетёров они превращались в алебардчиков (правда, не очень понятно, куда при этом девалось ружьё, на лямке они, как ни странно, носили не мушкет, а бердыш). При необходимости стрельцы исполняли роль артиллеристов (к каждому их полку прилагалось

несколько лёгких пушек) и гранадёров (метателей ручных фитильных гранат). Существовали также конные стрелецкие отряды, однако при осаде монастыря кавалерия почти или совсем не использовалась.

Защитники

Сабельки вострые – сёстры казацкие
К вам припадут, как к подножью креста
Бороды разинцев, вуса хохляцкие
Честь ваша будет для братьев святая!

Г. Ситько

Для военного историка XVII -й век интересен тем, что естественно и органично сочетал в себе элементы прошедшего, средневекового периода (толпа воинов, одетых в кольчуги, вооружённых мечами и копьями) и армии нового времени, окончательно сформировавшейся в XVIII -м веке (стройные ряды солдат в одноцветных камзолах со штыками наперевес). Особенно ярко сия тенденция проявлялась в Московии, испытывавшей постоянный недостаток в новом вооружении, где при этом от прежних времён осталось немало исправного оружия и амуниции.

Солидный арсенал как старого, так и нового хранился в Оружейной палате Соловецкого кремля, которая к началу осады существовала и пополнялась уже без малого век. По описи 1667-го года, и даже по свидетельствам, составленным более чем через столетие, в обители было накоплено достаточно средств для отражения вражеской осады. Это, в первую очередь:

Копья, пики, рогатины, алебарды, бердыши, рунки, протазаны, гизармы, глефы, кузы, моргенштерны и тому подобные разновидности двуручного колющего и колюще-рубящего оружия на длинном древке. Часть его была привозной, часть мастерилась соловецкими кузнецами. Кроме своей основной функции (поразить противника) это оружие помогало столкнуть со стены приставную лестницу, отцепить «кошку», перерезать прикрепленную к ней верёвку, опрокинуть на врага котёл с варом или спихнуть камень, не подставляясь под огонь неприятеля. Вероятно, осаждённые применяли для этих целей и «мирные» орудия, такие, как вилы, коса, кирка и др.

Одноручное оружие было не менее разнообразным. Секира, булава, чекан, боевой цеп, кистень, шестипёр – чего только люди не придумают, чтобы бить друг друга по башкам! «Благородные» мечи тоже были в ходу, у защитников соловецкой твердыни можно было встретить и немецкий палаш, и итальянскую шпагу, и турецкий ятаган. Ну и казацкую саблю, куда без неё. После разгрома Разинского восстания немало добровольцев из донских казаков влилось в ряды защитников монастыря. Можно спорить об их идеологической роли, однако с военно-тактической точки зрения участие казачества в обороне Соловков пошло осаждённым явно на пользу. Опыт их «пластунов» (разведчиков) немало способствовал успеху дерзких вылазок, державших врага в постоянном напряжении. Не даром монахи выбрали донских казаков Самко Васильева и Исая Воронина своими сотниками. Были, по всей видимости, среди них и запорожцы. Об этом говорят типичные украинские и козацьи фамилии («пр і звища»), данные уже на Сечи, такие, как Григорий Кривоног, Петро Запруда, Хрисанф Борода, Никита Троещина и др. Даже одна из соловецких пушек носила название «Урывок Богдана».

Ножи, кинжалы, стилеты могут показаться несерьёзным оружием для войны и осады, однако в ближнем бою (скажем, во время ночных вылазок) и они бывают не лишними.

Средствами индивидуальной защиты, такими, как кольчуги, панцири, щиты, шлемы, наплечники, боевые рукавицы, поручи, поножи и т.д. осаждённые тоже не пренебрегали. Послушать марксистско - энгельских историков, так изобретение пороха моментально сделало бессмысленными всякие доспехи и положило конец рыцарству. Однако на некоторых панцирях, хранящихся в исторических музеях, ясно видны вмятины (но не пробоины!) от пуль. Тяжёлая кавалерия оставалась в составе европейских армий вплоть до второй половины XIX -го века. Только повсеместное распространение скорострельного нарезного оружия заставило кирасы уйти с полей сражений, чтобы спустя сто лет возвратиться в виде бронежилетов. А шлемы всё это время оставались в строю! Конечно, кольчуга (как и бронежилет, впрочем) уберёжёт воина не от всякой пули, однако за перестрелкой обычно следует рукопашная, а там защита будет ему явно не лишней.

Метательное оружие соловчан, кроме уже рассмотренных луков, было также представлено дротиками и арбалетами. Дротик, бывший неизменным атрибутом войн античного периода, в описываемое нами время уже почти не использовался. Однако у тех, кто защищает крепость, есть небольшое преимущество перед теми, кто на неё нападает: сила земного притяжения выступает на их стороне, а не против. Это делает метательное копьё, да и просто камень, довольно эффективным средством обороны на подступах к стенам.

Однако осаждённым этого мало, им хочется извлечь из своего положения максимум выгоды, чтобы враг боялся и близко подойти к их цитадели. Так появился крепостной арбалет. Он представляет собой, по сути, копию римской осадной баллисты, уменьшенную настолько, чтобы с ней могли справиться 1-2 человека. Ручным его можно назвать с большой натяжкой (извините за каламбур): только здоровый мужик был в силах его поднять, а прицелиться и выстрелить из него он мог, лишь опершись локтем о кромку стены. Зато сила и дальность выстрела крепостного самострела ненамного уступала мушкетному. Правда, и времени на натяжение его тетивы с помощью английского или немецкого ворота уходило почти столько же, сколько требовалось на перезарядку самопала.

Арбалет на Руси известен довольно давно: первые упоминания о самострелах встречаются ещё при описании обороны Киева от монголо-татар. Однако выносить громоздкое, сложное приспособление в поле нашим витязям не было никакой нужды: там царствовал лёгкий, удобный, скорострельный скифский лук.

Несколько изменили отношение русичей к арбалету столкновения со шведами и литовцами: луку было нелегко пробить крепкую броню «немецких» рыцарей. Но вскоре появилось огнестрельное оружие, и история русского самострела закончилась, практически не успев начаться. Он вернулся на крепостные стены, где функционировал до тех пор, покуда Пётр особым указом не искоренил в своей армии все остатки средневековья.

Однако арбалет имеет и некоторые преимущества перед мушкетом: он не так зависит от изменений погоды, не выдаёт местонахождение стрелка громом и дымом (а чёрный порох того времени производил его в невероятном количестве), не даёт осечек и не может взорваться, калеча своего хозяина. Ну, максимум – тетива лопнет. Так что, покуда оставались в наличии исправные самострелы, их продолжали использовать просто потому, что они были.

Близка по свойствам и функциям к крепостному арбалету крепостная аркебуза с непомерно длинным стволом большого калибра: тяжёлая и неудобная в поле, со стены или башни она способна поразить противника уже на дальних подступах к твердыне. В целом, ручное огнестрельное оружие, находившееся на вооружении защитников обители, было не менее, а то и более разнообразным, чем у царских войск. Кроме мушкетов и карабинов всех возможных видов и систем, в монастырском арсенале имелось также изрядное количество

Пистолей, которыми у стрельцов были вооружены разве что офицеры. Это немало помогало соловецким ополченцам на вылазках и при отражении вражеских атак.

Однако все мы понимаем, что о вылазках и штурмах интересно читать в романах, но первую скрипку при осаде и обороне крепостей, городов и иных укрепленных объектов, как тогда, так и сейчас продолжает играть артиллерия.

Пушки

Предреченный же воевода Мещеринов и вои его, окрест святых обители стояще, стреляюще во обитель, не почиваху, овогда ис пушек, овогда ис пицалей.

С. Денисов «История об отцах и страдальцах соловецких»

«Пицалями» на Руси называли огнестрельное оружие, в разные периоды это обозначение кочевало от пушки и до мушкета включительно. В данном контексте подразумевается, очевидно, некое переходное орудие. Оно представляло из себя небольшую мелкокалиберную пушечку, из которой можно было целиться, как из ружья, прижимая к плечу приклад и опершись дулом на сошку, что давало несколько большую точность выстрела. В европейских армиях от этого оружия в своё время отказались как от устаревшего, а в московской и некоторых других продолжали использовать. Заряжались они маленьким ядром либо картечью и служили чем-то вроде РПГ или ручного пулемёта, прикрывавшего отделение стрельцов. Применялись, как видим, ручные пицали также при обороне и защите крепостей.

Высадившийся на острове Мещеринов имел в своём распоряжении 3 полковые пушки, 10 отлитых из приобретённой им в Сумском и Кемском острогах меди, несколько старых сумских пушек и несколько новых, присланных с Двины, а также сотни пудов пороху. Всё это – не считая малых корабельных орудий, пицалей и т.д. Воевода постоянно требовал у Москвы «пушек больших проломных и гранатных и ручных гранат и зажигательных колец и стрел», а также жаловался на «малолюдство». Его просьбы исполнялись: зимой 1675-го года под стенами обители воевало уже 1.300 стрельцов, пушкарей и обслуги (не считая тех, кто до этого пал в сражениях, а таких было немало). К тому же в помощь Мещеринову были направлены опытные «градоёмцы» из «новокрещённых иноземцев» «рейтарского строя» – майор Келин, ротмистр Буш, поручики Гутковский и Стахорский (русские командиры под разными предложениями отказались) и др. Осаду Соловков стали вести по всем правилам воинской науки того времени.

Дело в том, что монастырский кремль возводился ещё по средневековым канонам, не рассчитанным на массивное применение артиллерии. Стены крепости не были защищены земляным бруствером, восемь башен (маловато для столь растянутых укреплений) находились на слишком большом расстоянии друг от друга. К тому же они строились круглыми, а не треугольными, по новой традиции, что позволило бы держать врага на максимальном расстоянии от цитадели, а идущих на приступ солдат осыпать перекрёстным огнём. Правда, сами стены имели некоторый наклон, заставляющий ядра противника ricochetить, да и их толщина не вызвала опасений в прочности, но в этом был и минус. В столь основательной стене нельзя было проделать бойниц, так что крепость не имела «подошвенного» боя, только верхний, что создавало возле неё «мёртвые зоны», недоступные для башенных и настенных пушек. Этим не преминули воспользоваться осаждающие.

Впрочем, и среди защитников обители имелись опытные бойцы: казакам приходилось воевать и в Европе, и в Азии, так что модные тенденции в фортификации были им не в новинку.

Для начала монахи вырубали деревья на версту вокруг крепости, а также те, что стояли на пути к пристани, так что теперь ничто не мешало им обстреливать из башен прибывающие в Залив Благополучия суда. С помощью этого леса соловчане надстроили на низком участке стены между Никольскими Воротами и Квасоваренной башней деревянные бастионы, а также нарастили саму Квасоваренную башню. Защитили земляными валами все входы в монастырь, под Никольской башней снаружи также насыпали бастион и вырыли окопы, установив там небольшую батарею, поставили орудия и на крышу стоящей недалеко от неё внутри крепости Сушильной палаты. Осаждённые понимали, что это место – самый слабый участок их обороны, а значит – именно сюда противник направит свои основные силы.

Казаки не ошиблись. Правда, сперва Мещеринову пришлось повоевать за построенные некогда Иевлевым и легкомысленно оставленные им при отступлении шанцы. Отбив их не без труда, воевода начал возводить вокруг монастыря 13 «городков». Так тогда назывались высокие, вровень со стенами, временные бастионы, сооружённые из дерева, земли и камней. На них ставили пушки, которые должны были уничтожать орудия с обслугой на стенах и башнях крепости, а также обстреливать пространство внутри цитадели. В своих докладах в Москву стольник хвастался, что, мол, не могут монахи из-за его огня и по монастырю пройти (и не надо: уже давно, на случай непогоды, соловчане построили от помещения к помещению крытые галереи), а когда кончается порох, его стрелки де бросаются в них «из рук камнем» (ну, это уже – явное враньё).

Однако самоотверженное упорство соловецких канониров, а также старые мощные пушки, многие из которых, по древней традиции, всё ещё имели собственные имена (Вор, Барс, Хвостуша и др.), выдерживавшие двойной - тройной заряд пороха, раз за разом опрокидывали его «розмыслы», подтверждая ту истину, что «новое» отнюдь не всегда означает «лучшее».

Тогда Мещеринов собрал 300 отборных бойцов под командой майора Келина и в кровавой схватке отбил укрепления возле Никольской башни. Это была серьёзная победа: будучи недосыпаем для прямого огня с крепостных стен и башен, агрессор мог теперь беспрепятственно готовиться к решающему штурму.

Но не растерялись соловчане: их мортиры (аналог современных миномётов) продолжали кидать бомбы через стену, «навесом». К тому же, по благословиению архимандрита Никонора, артиллеристы установили пушки прямо на крыше Спасо-Преображенского собора. Это была крайняя, однако – необходимая мера; и в Европе, и в России при защите христианских твердынь часто приходилось прибегать к подобному средству. Кроме того, оккупантов постоянно тревожили вылазками.

Вскоре защитники крепости перешли в наступление и отбили стрельцов на 12 вёрст от монастыря. В боях были убиты храбрый поручик польского происхождения Василий Гутковский, стрелецкий пятидесятник Пешка Петков и более сотни простых стрельцов. А потом, узнав от захваченных соловецких трудников, вышедших безоружными «на промыслы» (одно это показывает, несколько мало контролировал воевода бунтующий остров), что восставшие «осенними тёмными ночами» планируют сделать решительную вылазку и достать его уже на Заяцком острове, Мещеринов испугался и, по примеру своих предшественников, скрылся на зиму в Сумском остроге.

Таковыми действиями стольник прямо нарушал царский указ, предписывавший ему штурмовать монастырь до последнего. За это воеводе было обещано «наказанье жестокое впредь, как ты будешь на Москве». «А буде ты, Иван – продолжал самодержец – с Соловецкого острова без нашего, великого государя указа, впредь сойдёшь, и за то тебе учинена будет смертная казнь». Вот вам и «Тишайший»!

Весенне-летняя компания 1675-го года началась решительно. Терять воеводе было нечего: впереди его поджидали мушкеты и пищали защитников монастыря, которым Никанор велел особо высматривать Мещеринова, ибо «поразим пастыря, и ратные люди разбредутся, как овцы», позади – московская плаха. Он и воины, присланные с ним, обязаны были взять крепость, либо умереть. Победителей, как известно, не судят, а мёртвые сраму не имут.

Для начала стольнику пришлось восстанавливать под башенным огнём свои укрепления, а также – временки для стрельцов, которые он сам, помяная ошибки своего предшественника, приказал спалить при отступлении. Стрельцам приходилось тащить для них брёвна не одну вёрсту, ведь каждая сосна, срубленная возле стен обители, служила на пользу осаждённому, открывая им новый простор для обстрела противника.

К уже имевшейся в его распоряжении артиллерии воевода присовокупил шесть огромных деревянных пушек, вкопанных в землю и стреляющих железными, разрывными и зажигательными ядрами. Трудно сейчас сказать, что это было такое. Скорее всего, нечто вроде осадных орудий, представлявших собой выдолбленные или выжженные изнутри древесные стволы, скреплённые железными обручами. Вряд ли эта конструкция могла выдержать больше нескольких выстрелов, зато и пороха можно было досыпать, не жалея, а длина стволов позволяла метать много снарядов за раз на большие расстояния.

Немало защитников крепости полегло во время массированного артобстрела, но не дрогнула беломорская твердыня от взрывов одно-, 2-х и 3-хпудовых бомб, уж больно крепко была поставлена: фундамент зданий и укреплений уходит на много метров вглубь земли, куда не сливается со сплошной скалой, на которой и стоит Соловецкий остров. А может – святость места уберегла. Почти два века спустя, во время Крымской компании, два английских военных парохода в течении 9-ти часов осыпали монастырь 96-тифунтовыми гранатами и ядрами, слегка повредив только здание гостиницы поздней постройки.

Воевода возлагал большие надежды на зажигательные составы и стрелы, которые должны были, по его плану, поджечь деревянные кровли башен, палат и келий, вызвать в обители панику, отвлечь основные силы осаждённых на тушение пожара, что позволило бы ему беспрепятственно идти на штурм. Однако и тут человеческий разум оказался сильнее варварства: соловчане «те зажигательные ядра заливали из медных труб водою и замётывали мокрыми войлоками, и нигде зажечь не дадут, и сели в крепкой осаде».

Потерпев неудачу, Мещеринов решил прибегнуть к старому испытанному осадному приёму – подкопу с минированием. По его приказу стрельцы повели тоннели к Белой, Никольской и Квасоваренной башням, хоть и слаба была надежда на эффективность взрыва. А вот отвод воды из Святого озера принёс некоторые результаты: по крайней мере, жернова монастырской мельницы и прачечной остановились. Ох, и нелегко же было служивым долбить каменистую почву в вечной мерзлоте!

Неизвестно, имели ли бы мы сегодня возможность любоваться Белой Башней, если б не героическая вылазка соловецких трудников под началом козака Григория Кривонога. Дождавшись темноты, они пробрались к вражеским бастиянам, выбили оттуда стрельцов, а подкоп вместе с рабочими завалили с помощью ручных гранат.

Между тем пришла зима, с нею – морозы до сорока градусов. В отчаянии стольник под прикрытием снегопада посылает отряд во главе с ротмистром Степаном Потаповым на тайный ночной штурм Сельдяной Башни и Святых Ворот, где, как его уверяли перебежчики, караулы у восставших крайне слабы. Однако там их ждала засада: едва ротмистр со своими людьми поднялся на стену по приставной лестнице, грянул залп. Атаку отбили, сам Потапов пал, ещё 35 стрельцов были убиты либо ранены.

Не зная, что ещё предпринять, Мещеринов возобновляет артиллерийскую дуэль, сосредоточив огонь против Белой, Никольской и Квасоваренной башен. В конце концов ему удалось уничтожить пушки, стоявшие на Белой башне и перебить там людей. Их, конечно же, вскоре заменили новыми, но силы защитников монастыря таяли день ото дня, а пополнения ждать было неоткуда. Однако время работало против стольника: морозы крепчали, связь с большой землёй была почти прервана, его люди начинали роптать, требуя возвращения на материк. Мещеринов нервничал, ведь если стрельцы взбунтуются, могут и просто пристрелить в спину. Никто потом ничего не докажет: убили, мол, монахи воеводу, на войне всяко бывает.

В своё время сам Мещеринов, в противоположность своему предшественнику, Волохову, считал, что напасть на мятежников можно только зимой, ибо летом и осенью ночи слишком светлы. К тому же в холода замёрзнет ров, морская губа и Святое озеро, так что появится возможность приступить к монастырю со всех сторон сразу, а «волчьи ямы» и иные ловушки будут безопасны из-за сугробов. Однако, когда действительно пришли морозы, воеводе стало боязно начинать полномасштабное наступление по льду и снегу: на белом фоне стрельцов будет видно издали, первый же артиллерийский залп – и атака в буквальном смысле захлебнётся... в ледяной воде. А для приступа по всему периметру крепости, как стольник планировал изначально, тысячи бойцов было явно недостаточно. Взять обитель измором тоже не представлялось возможным: по его сведениям, даже в случае полной блокады у монахов должно было хватить продуктов на несколько лет вперёд.

И тут Мещеринову вспомнился план, ещё в ноябре предложенный ему изменником Феоктистом...

Измена

Предательство
Души незаживающий ожог!
Рыдать устал
Рыдать устал над мёртвыми рожок
Зовёт за тридцать земель
Трубы серебряная трель
И лошади несутся по стерне
Но что тебе святая цель
Когда пробитая шинель
От выстрела дымится на спине?

А. Городницкий

Предательство отвратительно, однако и тот, кто пользуется его плодами, по-моему, пятнает себя не меньше самого предателя, так же, как наниматель несёт ответственность за убийство наравне с киллером. Характерно, что именно сильная сторона, как правило, первая идёт на подкуп, подлость и предательство. В XVII и XVIII -м веках московским монархам удалось захватить и казнить руководителей казацко-крестьянских восстаний, Разина и Пугачёва, только с помощью измены их ближайших соратников. В 1266-м году султан Бейбарс, не смотря на многократное преимущество в живой силе, использовал для захвата принадлежавшей тамплиерам крепости «Сафед» предательство «неблагородных» членов ордена и собственную лживую клятву. Султан обещал в случае добровольной сдачи твердыни сохранить её защитникам жизнь и свободу, однако, добившись своего, велел перебить рыцарей, а остальных сделал рабами. В 1414-м году император «Священной Римской Империи» Сигизмунд, владевший половиной Европы, ложными гарантиями безопасности заманил лидера чешской Реформации Яна Гуса на церковный собор, где его ожидал неправый суд и смерть на костре.

Что интересно, сильные мира сего, которые сами ничтоже сумняшеся предадут и подставят тех, кто им доверился, обожают обзывать изменниками других. Автору в юности ещё приходилось заполнять анкеты, где присутствовала графа: «жил ли кто-нибудь из родственников на оккупированной территории». Как будто среди жителей Украины, которую товарищ Сталин бросил в 1941-м году на произвол судьбы, могут быть люди, у которых их нет. Наверное, мы все должны были пойти и повеситься только потому, что советы нас предали!

Доходит до смешного: власть имущие иногда обвиняют в предательстве... своих врагов! Вспомним, как английская корона в конце XIII -го века объявила предводителя шотландских повстанцев Вильяма Уоллиса изменником, а спустя несколько столетий так же называла борющихся за независимость колонистов Северной Америки. Да что там далеко ходить, многие россияне до сих пор серьёзно считают предателями бойцов УПА, как будто когда одна страна завоёвывает другую, то каждый из жителей аннексированной территории тут же автоматически считается присягнувшим на верность лидеру страны-захватчицы. Если следовать этому странному «кодексу чести», то партизаны Ковпака обязаны были служить Гитлеру.

Думаю, в данном контексте психологически более точным будет не слово «предательство» (передать, т.е. выдать кому-то кого-то или что-то), ведь так можно счесть предателем даже, скажем, Штирлица (передававшего советской разведке информацию из немецкого штаба), а слово «измена». Бандеровцы не изменяли своего отношения к тов. Сталину, они как ненавидели его, так и продолжали верно ненавидеть. Изменник должен измениться, чтобы изменить своим товарищам (командирам, хозяевам, родине, жене и т.д.). В противном случае он изменяет собственным убеждениям, то есть – себе. В этом смысле единственный, кого можно предать – это ты сам. Такое предательство обычно приводит к глобальному внутреннему конфликту, часто кончающемуся трагически (вспомним Иудину осину). В противном случае то, что обычно называют изменой – не более, чем военная хитрость, которая «прекрасна, когда полезна и ужасна, когда вредна».

Я сознательно не включаю сюда обстоятельства, в которых кто-то выдаёт соратников под страхом смерти (своей или своих близких), а тем более – под пытками. Тем, кто выдержал и не сломался – честь и хвала, но нельзя же рассматривать подвиг как нечто обязательное и само собой разумеющееся! Словосочетание «массовый героизм» - нонсенс!

Однако бывают случаи не столь однозначные. К примеру, обязан ли был Мазепа хранить верность некоему Петрушке Романову, которому крест целовал, не смотря на то, что последний сам постоянно нарушал свои клятвы? Или, всё-таки, гетман Украины должен служить, в первую очередь, народу Украины, чьи права и свободы грубо попирались московским царём? А значит – он мог и даже должен был объединиться со шведами, чтобы ударить по общему врагу, подставившему нас, втавив в войну с сильнейшей армией Европы, войну, в которой у нашей страны не было ни малейших интересов, и не прислав в помощь ни одного солдата или стрелца.

Не разгадав подобной дилеммы, во время гражданской войны два века спустя многие царские офицеры шли на службу к большевикам, обманывая свою совесть тем сомнительным тезисом, что они, типа, служат «великой России», а кто, мол, ею правит в данный момент – не имеет значения. Эта же моральная вилка заставила в своё время полковника Полуботка увести половину армии от Мазепы к Петру. Все мы помним, во что обходится этот замаскированный коллаборационизм: козаков отправили выкладывать своими телами фундамент для Петербурга, а наказной гетман Полуботок, арестованный по ложному обвинению без суда и следствия, умер в застенке. Бело-красных офицеров впоследствии ожидал лагерь либо стенка.

Приблизительно ту же картину мы наблюдаем и в стане соловецких сидельцев. Хотя руководители восстания с самого начала предложили всем колеблющимся покинуть острова (этим правом воспользовалось меньше 40-ка монахов и мирян), предательства случались и

позднее. Ещё в декабре 1668-го года из обители выгнали 20 человек, сговорившихся отворить крепость оккупантам. Тогда, дабы показать товарищам, что отступать им некуда, келарь Азарий и трудник Фаддей Петров вынули из хранилища и уничтожили все ранее присланные властями «новые» книги. Живущие в монастыре 14 ссыльных, возмущившись этим актом, стали поднимать брожение среди братии, и их вскоре тоже пришлось выслать в Сумской острог, дав им в сопровождение пленных стрельцов.

Сейчас это может показаться странным, однако в осаждённом монастыре долгое время продолжали молиться за царя. Да, за того самого Алексея Михайловича, который начал и продвигал ненавистную им реформу, того, кто во время этих самых молитв палил по ним из пушек. Чёрный собор несколько раз выносил постановление вычеркнуть из поминальных листов имя «царя-Антихриста» и назначенное им церковное начальство, а молиться лишь за абстрактных «благочестивых князей» и «православных архиепископов», однако полностью эта практика не пресекалась почти до начала 1675-го, рокового для Соловецкой обители года. Некоторые деятели старообрядчества считали, что именно из-за прекращения молитв за государя монастырь, всё-таки, пал. Давайте попробуем разобраться в сути проблемы.

С одной стороны, молиться за врагов своих – дело, несомненно, благое, завещанное христианам самим Спасителем. Но не всё так просто. Ведь господина Романова поминали в молитвах не просто как «раба Божьего Алексея», а именно как законного монарха и Божьего помазанника. Здесь, конечно, можно вспомнить слова апостола Павла «всякая власть от Бога» (и их, конечно же, вспоминают, будьте покойны), и тот факт, что ранние христиане молились даже за царей-язычников.

Однако дело не в этом. Вопрос здесь, как не странно, имущественный. Ведь если «Тишайший» у нас всё ещё законный и богопомазанный, то Соловки, как и вся территория Московского государства – его собственность, которую он может и забрать (ведь принцип «подарки - не отдарки» для сильных мира сего срабатывает отнюдь не всегда). Если же государь – Антихрист (или его слуга), то претензии самодержца на острова незаконны, ибо он, как еретик, не имеет права присваивать себе имущество, подаренное церкви его благочестивыми предками, а значит «Соловки – земля наша, а не государева», «остров наш и в монастыре всё наше». Следовательно, говоря словами пушкинского Юродивого, «нельзя молиться за царя-ирода, Богородица не велит». Недаром защитники крепости жаловались архимандриту Никанору, что священники, которые записывают имена царской семьи в синодики, говорят им в государевых людей не стрелять.

Противники старообрядчества любят спекулировать на этом моменте. Мол, плохими были соловецкие монахи христианами, раз правой щеки не подставили. Забавно слышать это от тех, кто лупит по обеим щекам и снимает кафтан вместе с рубашкой. Вы, стало быть, господа, уже на сие звание не претендуете? Ну и правильно.

А насчёт монахов – давайте вспомним, что православная церковь веками молилась о победе русского оружия, и никто, почему-то, не видел в этом отступления от христианских принципов. РПЦ продолжает подобную практику и по сей день, благословляя солдат, идущих в Чечню убивать, грабить и насиловать... Вы хотите сказать, что доблестные российские воины никого не насилуют? Вы в этом уверены? Ну, хорошо – просто убивать, грабить и жечь.

Позволю себе также напомнить, что не соловчане начали войну, они лишь защищали свой дом, свою жизнь и свободу, свою веру, наконец! Ведь царское правительство само вооружило иноков для обороны соловецких святынь от осквернения их захватчиками-иноверцами. И Алексей Михайлович, начиная свою бессмысленную и беспощадную реформу, присылая под стены православного монастыря солдат с ружьями и пушками, фактически поставил себя в положение тех самых «немецких воинских людей», из опасения которых и была

воздвигнута Беломорская твердыня (кстати, последние её так ни разу и не осадили). Вот монахи и использовали по назначению данное им оружие.

Что же касается вашего любимого тезиса «всякая власть от Бога», то определитесь, пожалуйста, насколько последовательными Вы хотите быть в этом вопросе. Может, нам всем стоило стучать на соседей при Сталине и идти в полицаи при Гитлере? А что, разве они – не власть? Почему же, в таком случае, вы не осуждаете христианских мучеников, отказавшихся воскурить благовония перед статуей цезаря? А вора, прокравшегося к нам в дом, мы уже должны считать своим хозяином? И ещё, когда в последние времена придёт Антихрист, его тоже нужно будет слушаться?

Но вернёмся в монастырь. Вопрос о молитве за царя, и вообще – о послушании власти, стал серьёзным испытанием для единства осаждённых. Можно сказать, что уже тогда наметились противоречия, разделившие старообрядческое движение на десятки различных толков (согласий), впоследствии вылившихся в три основные течения: единоверие, поповство и беспоповство. Ведь краеугольным камнем сих разделений было именно отношение к государству и к господствующей церкви: признавать ли её таинства, принимать ли от неё беглых священников, молиться ли за власть имущих, служить ли в армии, платить ли налоги, пользоваться ли деньгами и т. д.

Однако здесь я смею утверждать, что в рассматриваемом нами конкретном случае лояльность к государю являлась лишь поводом, лазейкой для совести, сыром, если хотите, в мышеловке Дьявола. Подлинная причина, скрывавшаяся за красивыми словами, была, извините, вполне шкурная – желание жизненных благ и страх за своё бренное тело.

Подтверждением моих слов может послужить то моральное падение, которое вскоре постигло отступников. Прибыв в Сумской острог, почти все они вскоре «принесли свои вины» государю и без колебаний отреклись от своих прежних принципов, «целуя никоновы новины». А затем «новообращённые» с поражающим воображение цинизмом рассказывали воеводе о слабых местах обороны монастыря, о его запасах, о настроениях в рядах защитников, их количестве и составе, ничто же сумняшеся советовали, «где б над ними, ворами... ратным людям промысел учинить». И это всё при том, что самих их свободно отпускали из крепости! Ни долгая жизнь в обители, ни то, что некоторые из перебежчиков были обязаны соловчанам очень многим, порой – жизнью, ни клятвы и подписи под общими воззваниями и челобитными не останавливали тех, кто предавал своих братьев. Феоктист, о котором будет сказано позднее, после своей измены даже впал в блудный грех, а это – тягчайший проступок для монаха. За всем этим кроется внутреннее понимание: всё равно я – Иуда, так чего уж там... Коготок увяз – всей птичке пропасть, нельзя быть немножко беременной, снявши голову, по волосам не плачут и т.д.

Пожалуй, единственное исключение – соловецкий «Златоуст», автор «Сказания от божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец о новых книгах», а также четвёртой и пятой соловецкой челобитной уставщик Геронтий, высланный из монастыря, поскольку отговаривал братию от вооружённого сопротивления царским войскам. Вместе со своим учеником Манасией он твёрдо исповедовал перед Мещериновым и его людьми старую веру, за что был закован в цепи и посажен в тюрьму. Дальнейшая судьба Геронтия неизвестна, но её нетрудно себе представить.

Решение о немолитве за царя спровоцировало самое серьёзное за время осады выступление коллаборационистов. Заговор был хорошо организован, в нём участвовало около 50-ти человек. Им даже удалось, обманув простых братьев, временно захватить власть в монастыре. При этом они заковали в кандалы 37 активных сторонников вооружённой борьбы и отправили их в Сумской острог, «в подарок» Волохову. Вскоре изменники начали переговоры с воеводой о сдаче обители (мы уже писали об этом выше). Однако едва бельцы и трудники узнали

об их переписке, новое начальство было моментально низвергнуто и арестовано. Вы будете смеяться, но кроме двух главных заговорщиков, убитых в драке, всем предателям опять-таки позволили спокойно покинуть монастырь. Кто там что-то говорил о второй щеке?

После этого случая измены носили лишь эпизодический характер. Имея, как уже было сказано, возможность свободно уйти в перерывах между боями, слабые духом предпочитали бежать тайно, во-первых, чтобы, сообщив воеводе о текущих планах восставших, вернее заслужить царское «прощение», а во-вторых, – дабы придать своему предательству видимость волевого поступка. Монаха Александра, которому когда-то за участие в Коломенском бунте отсекали руку и ногу, соловчане в своё время выходили и приютили в монастырской больнице. Однако это не помешало ему клеветать на своих братьев: «А сели они в монастыре насмерть... потому что все сели схожие воры, а которых де небольшое есть число добрых людей, и те де ворами о сдаче монастыря – их никуда воры не пускают!» Это при том, что сам он, конечно же, из крепости бежать не смог бы.

Одной из причин, почему Мещеринов всё-таки, в нарушение государевой воли, в октябре 1674-го года покинул острова, была надежда на обещанное ещё одним предателем восстание. «Если в монастыре в церквах божественная служба и за великого государя моление будут оставлены, то станут чернецы и миряне, которые к воровству не пристають, из монастыря проситься. Тогда в монастыре будет междоусобица и сеча большая» – уверял воеводу бывший соловецкий трудник Василий Карпов, сын Кириловщина. «Как воевода... в Сумской острог отъедет, а воры после сего разойдутся по острову, и они-де над ними, ворами, хотят промысел учинить и их порубить».

Напрасны были надежды стольника, только ещё сильнее укрепились беломорская твердыня за свои последние зимние каникулы. Но сначала избавились от остававшихся в обители «добрых людей». Их было немного, человек 5, которые «за великого государя Бога молить велят, а стрелять не велят». Казалось, с гидрой предательства покончено навсегда. Однако её последняя недобитая голова всё-таки извернулась и ужалила оплот духовной свободы России в его ахиллесову пятю. Звали эту голову Феоктистом.

«Пришёл я, нищий твой государев богомолец, из Соловецкого монастыря через городовую стену... высмотря в монастыре всякие городовые крепости и причинные места...» - докладывал беглый монах воеводе. Строго говоря, его вина перед обителью была не большей, чем у других изменников. Просто ему повезло... Или не повезло, это уж – как посмотреть.

Феоктист был одним из тех, кто советовал Мещеринову штурмовать Сельдяную башню. Потерпев неудачу, стольник в гневе отправил перебежчиков под арест, подозревая их в двойной игре.

Думаю, однако, что секрет «ясновидения» соловчан был крайне прост: элементарная логика. Приходят, допустим, к Самко Васильеву трудники и докладывают: мол, Феоктист, собака, сбежал. Теперь он воеводе про все наши слабые места расскажет. А где, спрашивает сотник, у нас самое слабое место? Вестимо где, говорят, со стороны моря, там и часовых-то почти нет. Вот там мы их, голубчиков, поджидать и будем! – решает Самко.

А о маленьком окошке в крепостной стене возле Белой башни, через которое когда-то носили воду в Сушильную палату (?), все как-то забыли. То есть в самом начале осады отверстие наскоро заложили мелкими камнями и скрепили раствором, собираясь в удобное время закрыть его основательнее, но потом стало просто не до того. А предатель, вот, не забыл... Подумать только, от каких мелочей зависят порою судьбы сотен людей!

Дождавшись тёмной, пасмурной ночи на 22-е января, 50 отборных стрельцов под началом майора Келина тайно пробрались к развалинам кладбищенской Ануфриевой церкви, стоявшей почти вплотную у крепостного рва. Вместе с ними отправился и Феокист: воевода больше не хотел рисковать своими людьми. Положение у предателя было – не позавидуешь; в случае провала операции ни свои, ни чужие его бы не пожалели.

Перед самым рассветом, когда у защитников крепости наступало время смены караула, майор с беглым монахом и несколькими бойцами направились к монастырской стене. Нащупав заветное окошко, они, стараясь не шуметь, аккуратно разобрали ломиком непрочную кладку и стали по одному пробираться в сушильную палату. Когда палата наполнилась, лазутчики вышли во двор, взломали калитку, впустив внутрь остаток своего отряда, а затем заняли пустующие позиции на стенах и башнях, открыли крепостные ворота и подали воеводе условный сигнал.

Ах, если бы соловецкий сотник Логин, трижды получивший во сне предупреждение: «Логине, востани, что спиши, воинство ратных под стеною, во граде будут скоро», поверил предсказанию и вместо того, чтобы, осмотрев посты и помолившись вместе с братией, отправиться мирно спать, просто усилил охрану и прободрствовал с ней до утра! Если бы не роковая беспечность стражников, которые, не дожидаясь разводящего, сами пошли будить свою смену! Оставайся на стенах в тот момент хоть несколько человек, кто-то, возможно, успел бы поднять тревогу. Вероятно, тогда осаждённым удалось бы выбить из монастыря спецназ Келина до подхода основных сил неприятеля. Но когда соловчане проснулись, поняли, в чём дело и схватились за оружие, армия Мещеринова красной рекой уже валила в обитель сквозь Святые ворота.

Расправа

Помнят смироглазые олени
Как, доев морошку и кору
К палачам своим отец Парфений
Из избушки вышел поутру
Он рассечен саблями на части...
Не забудут гуси-рыбогоны
Отрока Ивана на колу...
Триста старцев и семьсот собратий
Брошены зубастым валунам
Преподобные Изосим и Савватий
С кацеями бродят по волнам

Н. Клюев

Ну, последнее, пожалуй, – преувеличение; согласно показаниям соловецких перебежчиков и другим источникам, в монастыре к этому моменту оставалось то ли 500, то ли – 300 человек, из которых около сотни были монахами. Храбро сражались защитники обители, однако на стороне противника были внезапность и значительный численный перевес, который в открытом бою легче использовать, чем при осаде. Стрельцы тоже бились отчаянно: они вконец озверели от холодов да скудного питания и в восставших видели теперь только препятствие на пути к своим тёплым избам.

Кроме того, у соловчан не было времени выработать общий план обороны: некоторые, выскочив, в чём были, с одной саблей или пистолем в руках, вступили в неравную схватку, где и приняли смерть, как герои, другие же стали отстреливаться от захватчиков из окон палат и келий. Только забросав их ручными гранатами, людям Мещеринова удалось окончательно сломить сопротивление осаждённых. Беломорская твердыня, 8 лет стойко выдерживавшая атаки московского абсолютизма, наконец, пала.

28 взятых в бою раненных соловецких трудников воевода приказал порубить без суда и следствия «чтоб впредь иным... неповадно было». Оставшиеся в живых иноки молились, запершись в соборном храме. Не желая компрометировать себя перед стрельцами, вламываясь в церковь, стольник пообещал старцам неприкосновенность до царского суда в Москве. Однако, едва они вышли из дверей с крестным ходом, он велел отобрать у монахов кресты и иконы, а самих их разослать по кельям под караул.

Вскоре начался суд, если так можно назвать сие действо. Воевода, выступавший здесь одновременно и судьёй, и прокурором, а временами – и палачом, приводил к себе пленников по одному и строго их допрашивал. Его вопросы характерны сами по себе: «Почто противился еси самодержцу и воинство посланное отбивал еси от огады?» «Чесо ради воинство во обитель не пустисте и хотящие иди оружием отбивасте?» «...Откуда таковыя дерзости научистесь, еже царем не покорястесь, еже на воинство посланное стреляти, еже приступающия к стенам огады оружием отгоняти?» Вдумайтесь, вор упрекает хозяина в крепости замков, грабитель пеняет на злых собак и высокий забор, киллер обвиняет свою жертву в самообороне! А ведь на дворе стоял не семнадцатый год, а семнадцатый век.

Когда же иноки смело отвечали ему: «Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхом когда, зане... научихомся от самого Христа воздавати кесареви кесакрева, а божия Богови (почему-то наши оппоненты всегда вспоминают только первую часть – О. Б.)... Вас, иже растлити древлецерковные уставы, обругати священныя отец труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедших, во обитель праведно не пустихом», Мещеринов приходил в ярость. Он приказывал своим людям бичевать арестованных, а то, разойдясь, и сам избивал их руками, ногами, тростью, не стесняясь ни старости, ни болезней, ни иноческого или священного сана. После сего царский сатрап предавал мучеников всевозможным казням.

Одних, как архимандрита Никанора, велел бросить, избитых, в ров и стеречь, покуда не умрут (напомню, дело было в январе месяце на 65-м градусе северной широты). Других, как искусного древорезца Хрисанфа и живописца Феодора, велел четвертовать (отсечь несчастным руки и ноги, и только потом – голову). Третьих, в их числе – соборного старца Макария, его люди вывозили на лёд, затем, вырубив несквозную полыню, бросали туда связанными и пускали воду. Остальных иноков, включая старых и больных, стрельцы иных волочили, привязанных к конским хвостам, по земле (были всё-таки, выходит, у них лошади), иных вешали, кого – за шею, кого – за ноги, кого – крюком за рёбра, иных жгли, забивали до смерти, предавали другим казням. Даже предатель Феоктист, охваченный ужасом и запоздалым раскаяньем, написал о зверствах захватчиков подробный донос в Москву.

Точное число казнённых до сих пор неизвестно, ибо мы не знаем, скольких из соловецких сидельцев замучили, а сколько пало в бою. Однако было их, во всяком случае, не менее шестидесяти. В старообрядческих синодиках поминаются 500 человек, но, очевидно, там имеются в виду все погибшие. Вспомним также о соловецких монахах и трудниках, захваченных царскими палачами на большой земле, таких, как Иоанн Захарьев, которого воевода Волохов подвергал различным пыткам, после чего казнил на торговой площади. Вспомним и о тех, кто был пленён во время осады и умер в заточении. Вспомнив и многих иных выходцев из Беломорской обители, пострадавших за веру в разное время в разных местах.

К счастью, единственным, что в Мещеринове перевешивало жестокость, была его невероятная жадность. Только «ради взыскания монастырской казны» он пощадил келаря, казначея и ризничего, а также 32 человека рядовой братии. Впрочем, когда, летом 1676-го года, на архипелаг прибыл из Тихвинского монастыря новый настоятель Макарий, там оставалось в живых лишь 14 «сидельцев».

Стольник вёл себя в обители, словно в захваченном иностранном городе. Тот, кто в письмах к царю называл соловецких защитников не иначе, как «воры», мешками увозил с островов золото, серебро, жемчуг, меха, не стеснялся срывать оклады с икон, воровать драгоценные церковные сосуды, книги, облачения священников. Не брезговал воевода и добром попроще – слюдой, порохом, зерном, конской сбруей, даже одеждой работных людей. Не довольствуясь монастырскими запасами, Мещеринов принялся вымогать взятки с простых поморов, угрожая им репрессиями за мнимую или реальную причастность к восстанию. Не отставали от командира его офицеры и простые стрельцы.

Лишь прибывший на архипелаг вместе с новым архимандритом князь Владимир Андреевич Волконский прекратил, наконец, этот грабёж. У взятого с полицным мародёра только на одной ладье было изъято 2.300 рублей денег (немалая сумма по тем временам, каравай хлеба, к примеру, стоил тогда пол копейки), не считая церковной утвари и красного товара. Пол года протомился бывший воевода в монастырской тюрьме, покуда не был «прислан к Москве с приставом», чтобы ответить за разорение «государевой казны». Впрочем, и его преемник Волконский, год прожив в обители на постое, «пия и бражничая» с игуменом Макарием, немало «пограбил монастырскую казну и покрал».

Народная молва приписала всем трём разорителям Соловков – Волохову, Иевлеву и Мещеринову – скорую и мучительную смерть. Однако известно, что по крайней мере до 1679-го года продолжались тяжбы о злоупотреблениях воевод. А вот то, что пославший их Алексей Михайлович на следующий же день после взятия монастыря тяжело заболел, от чего через неделю, в день воспоминания Страшного суда, на 47-м году жизни (даже для того времени – отнюдь не старость) скоропостижно и мучительно скончался – неоспоримый исторический факт. Среди старообрядцев, напрямую связывавших разорение обители со смертью самодержца, до сих пор ходит легенда о том, что царь перед смертью раскаялся в содеянном и даже послал Мещеринову грамоту с запоздавшим приказом снять осаду. Однако подтверждений этому пока не найдено.

Другая же история, будто бы некий белец Димитрий с крепостной стены пророчески кричал стрельцам: «Почто много, о любезнии, труждаетесь и толика подвиги и труды туне и всеу проливаете, зане пославый вы государь царь косою смертною посекаяся, света сего отходит», косвенно подтверждается доносом воеводы на соловчан, которые «з города кричат и говорят про тебя, государя, неистовые слова».

Вместе с игуменом на остров были присланы и простые монахи, собранные из различных монастырей Московского царства, чтобы наладить общежительство и вести службу по новому обряду (только очень немногие из принявших реформу соловчан смогли, годы спустя, вернуться в родную обитель). Однако общинная жизнь у новоприбывших не задалась. Они были недовольны здешним суровым климатом, жаловались, что житие на Соловках, по сравнению с другими монастырями, «вельми нужно». Архимандрит Макарий писал патриарху Иосифу, мол, иноки «поскучили», не желают уже есть палтусины, трески и сёмги, а к лету вообще «из монастыря хотят вон брести» не спросясь настоятеля. Игумен и сам просился обратно, говоря, что монастыря ему «не управить».

Хотя новый самодержец, Фёдор Алексеевич, заявлял, что «Соловецкий монастырь – прочим монастырям не в образец», мол «к нему особое наше призрение и милость», разорённое войной, царскими воеводами и чиновниками монастырское хозяйство встало на ноги ещё очень не скоро. Приток паломников сильно сократился и, не смотря на государевы подачки, ни прежнее экономическое изобилие, ни духовный авторитет Соловков так и не удалось восстановить в полной мере.

Только через полгода, по неоднократным просьбам нового монастырского начальства, пришло от самодержца разрешение предать тела казнённых земле. Тогда, свежая останки мучеников (по дошедшим до нас устным свидетельствам, они оставались нетленными и замороженными, хотя уже стояло лето) со всего острова, их закопали в общей яме на островке «Бабыя луда», что стоит недалеко от Залива Благополучия. Тела убиенных иноков просто завалили камнями, безо всякого христианского обряда, в чём не отказывали тогда даже разбойникам и бунтовщикам!

Многое время спустя, некоторые из новых соловецких жителей стали по ночам тайно пробираться на могилу страдальцев, чтобы совершать там каждения и поминальные молитвы. Тогда-то они и становились свидетелями необъяснимых явлений: горящие свечи, необычный свет, скачущий огонь, непонятно откуда раздающиеся пение и т.п. Видели это и проплывавшие мимо островов поморские рыболовы.

Конечно, у нас нет и не может быть подтверждающих сии чудеса письменных свидетельств. Да и кто бы в те времена решился написать об этом? Подобные вести шептали на ухо, и то с опаской да оглядкой. Чудо – оно на то и чудо, что принимается сердцем; того же, кто не желает поверить, не убедит никакая наглядность и очевидность. Тем же, кто считает себя христианином, хочу напомнить слова Спасителя: «Блаженны изгнанные правды ради, яко их есть Царство Небесное».

Итоги

Палеостров, Выгу
Кижь, Соловки
Выплескали в книгу
Радуг черпаки

Н. Клюев

Итак, «новолюбцы» выиграли осаду. Что ж, рано или поздно это должно было произойти. Правда, праздновать пиррову победу оказалось некому. Алексей Михайлович процарствовал 30 лет, оставив после себя страну, духовно расколотую церковной реформой, экономически надломленную по-детски наивной афёрой с медными деньгами, сотрясаемую бунтами, стоящую на грани, если не за гранью гражданской войны. Подумать только, и этого человека некоторые «патриотические» историки пытаются противопоставить Петру, как доброго, справедливого и просвещённого монарха. Воистину, горе государству, где таких царей называют «тишайшими»!

По его, и только по его вине Украина, что могла быть Московии надёжным другом и верным союзником, поддерживающим соседей как экономически, так и военной силой, опустилась в хаос междоусобиц, так и названный в народе: «Руина». Но тиранам ни к чему друзья и союзники, им нужны только рабы. Из-за предательства московского самодержца наша родина без малого на 300 лет была разодрана надвое, последствия чего мы переживаем и по сей день.

Русский север, которым царские приказчики пытались управлять по общероссийскому принципу (чтобы корова больше давала молока и меньше потребляла кормов, её нужно реже кормить и чаще доить), вообще чуть было не прекратил своё существование: народ голодал, промыслы хирели, люди разъезжались кто куда.

Московская церковь, в которой после Никоновского и Алексеевского террора остались одни карьеристы да приспособленцы, уже не могла служить опорой государству, ведь опираться

можно лишь на то, что оказывает сопротивление. В 1917-м году этот посох окончательно сломился под непомерной тяжестью, и смешны сегодня попытки склеить его обломки.

Между тем Константинополь, из-за которого весь огород городили, как был, так и остался турецким, Алексей Михайлович не приблизился к нему ни на шаг. Всё потому, что забыл простую вещь: под началом у него – живые люди, а не оловянные солдатики!

Цареград до сих пор принадлежит мусульманам, несмотря на старания многих поколений российских самодержцев. И не столько по вине Англии и Франции, как считает господин Акунин, сколько из-за того, что, не взирая на все разговоры о православии, самодержавии, народности и славянской идее (нужное подчеркнуть), местные жители, так же, как ранее волохи, молдаване, сербы и проч., предпочитали оставаться данниками турок и татар, чем связываться с Москвой. У всех перед глазами был печальный пример Украины, никому не хотелось повторить её участь. Когда же российская империя начала распространяться на Запад, люди бежали от неё, как от пожара, как от чумы, как от смерти. Бежали все: украинцы, поляки, евреи, литовцы, русские старообрядцы, бежали под австрийцев, под турок, под нагайскую орду, куда угодно, лишь бы подальше от железного молоха царской тирании!

Правоту старообрядцев подтвердила сама история. Никонова реформа была лишь первым шагом. Уже сын Алексея Михайловича, Пётр I, искоренил остатки церковной демократии и окончательно превратил церковь в один из государственных институтов. Жизнь приходов теперь управлялась не церковным собранием, а волей настоятеля, настоятелей же назначали сверху. Церковный собор заменили Синодом, то есть – постоянным сборищем из нескольких митрополитов и епископов во главе со светским человеком, обер-прокурором, подчинявшимся непосредственно царю. Пётр так и говорил русским иерархам: «я вам патриарх!». Вмешательство же властей в церковную жизнь стало столь обычным делом, что в начале XX-го века питерский митрополит жаловался: «я в своей епархии не то, что попа, просфорню сам не могу назначить!». Так что ритуалы имеют значение...

Интересно, на что, всё-таки, рассчитывали осаждённые? Кроме Божьей помощи, разумеется. Не думали же они, действительно, вечно отсиживаться за стенами? Если на то, что государь смягчится, либо что его преемник свернёт реформу, то, увы, напрасно. За пару месяцев до своей смерти Алексей Михайлович успел уморить голодом боярыню Феодору (Морозову), а его сын Фёдор, придя к власти, сделал то, на что так и не решился отец: приказал сжечь пустозерских узников – протопопа Аввакума, иерея Лазаря, диакона Феодора и инока Елифания (кстати, постриженника Соловецкого монастыря). Официально – за «великия на царский дом хулы», на деле, конечно же, – за проповедь старообрядчества.

Некоторые исследователи полагают, что соловецкие сидельцы ожидали восстания по всему Поморью, в поддержку Разинскому. Это, действительно, было более чем вероятным. Даже непризнанный в обители архимандрит Иосиф писал царю, что монастырские крестьяне «нужные и голодные, едят сосну, и сено, и мох», к тому же стрельцы, стоящие на постое, «крестьян оголодали и многих били и изувечили». То тут, то там вспыхивали бунты, появились и первые «гари» (массовые самосожжения староверов под угрозой насильственного обращения в никонианство).

Среди стрельцов тоже происходили брожения; одни из них сочувствовали Разину, другие симпатизировали осажённому, ведь в крепости у многих оставались друзья и родственники (войско для осады набиралось, в основном, на Русском севере). Царские воины не могли не видеть, что их пушки разрушают храмы, что одно из ядер угодило прямо в алтарь Спасо-Преображенского собора, что бомбы рвутся в непосредственной близости от усыпальницы святых Зосимы и Савватия, особенно почитаемых в Поморье. Нередко случались дезертирства,

некоторые стрельцы переходили на сторону восставших, некто Иван Папов из Холмогор так даже переплыл для этого в утлой лодке через бурное зимнее море.

Однако ничто не позволяет нам думать, будто бы соловчане каким-либо образом пытались поднять или поддержать глобальное вооружённое восстание против существующего режима, как ни старались власти убедить народ, что «всякому-де злу корень собрался тут в монастыре». Существой об этом хоть одно письменное свидетельство, «расколоторцы» давно подняли бы его на щит. Но патриотический дух староверов был столь для всех очевиден, что их врагам не пришло в голову что-либо подобное сфабриковать. Даже в «огненных листах» протопопа Аввакума, тон которых временами бывает крайне резок, ни разу не проскальзывает призыва к мятежу.

«А как же – возразят мне – старообрядческий фактор, несомненно присутствовавший в восстаниях Разина, Булавина и Пугачёва?» Давайте определимся с терминами. Во-первых, с самого начала в Московии было только два новообрядца – царь и патриарх. Даже понаехавших в столицу греко-украинских «справщиков» нельзя, строго говоря, назвать никонианами. Поэтому и Разинские казаки, и воевавшие с ним стрельцы да дворяне в то время всё ещё продолжали креститься и молиться, как их мама в детстве научила.

Возможно, что Разин, Пугачёв и другие смутьяны пытались, в числе прочего, сыграть на недовольстве народа реформой Никона. Однако старообрядческий элемент в этих восстаниях никогда не был определяющим, и ни широкие массы староверов, ни, тем более, главные идеологи этого движения никогда не участвовали в бунтах. Даже случаи вооружённого сопротивления внедрению новых обрядов, вроде Соловецкого сидения, были крайне редки и почти никогда не шли дальше элементарной самообороны.

Что же касается участия в защите Беломорской твердыни недобитых разинцев, запорожцев, участников Медного бунта и других «антиправительственных элементов», то, думаю, их здесь можно сравнить с интернациональными бригадами, воевавшими в тридцатые годы в Испании. Там тоже сражались плечо к плечу люди из разных мест, разного происхождения, разных идейных убеждений. Объединяло их всех одно – ненависть к тирании.

Не пытались руководители монастыря и войти в сношения с иностранными государствами, к примеру – с той же Швецией, которая, возможно, позволила бы оставить на острове православную обитель, лишь бы разместить там свой гарнизон и утереть нос московскому монарху. Даже отправляясь в изгнание за границу, как это нередко случалось впоследствии, староверы почти всегда сохраняли верность России. Особенно ярко это проявилось во время польского восстания, что заставило тогда самодержавие несколько смягчить репрессии.

Кроме уже упомянутых канонических правил («всякая власть – от Бога», «Кесарю - кесарево» и т.д.) эта, казалось бы, неуместная лояльность к тем, кто тебя преследует, имеет и более рациональные причины. С одной стороны, староверам, чтобы сохранить свою популярность в народе (единственное, на что они теперь могли опереться) необходимо было постоянно опровергать возводимые на них клеветнические обвинения в «мятеже» и «воровстве». К тому же некоторое время у них ещё оставалась слабая надежда на возвращение государства к прежнему благочестию. Последний раз такая реальная возможность возникла в правление царевны Софьи, организовавшей летом 1882-го года в помещении Грановитой палаты «прю о вере» между сторонниками старых и новых обрядов. Однако, хотя старообрядцы во главе с отцом Никитой Добрыниным в споре одержали несомненную победу, регентша подвергла их казням и ссылкам, после чего борьба с «расколом» ещё более усилилась (приверженность к подобно му способу ведения «дискуссий» новолубцы демонстрировали и в дальнейшем). При

будущих российских монархах репрессии то ослаблялись, то усиливались, однако реальных шансов на кардинальное изменение ситуации уже не было.

В отличие от французских гугенотов, которых поддерживали протестанты Англии и Германии, или шотландских повстанцев, получавших помощь из католической Франции и Испании, старообрядцам России некуда было жаловаться, не у кого просить подмоги. Они оказались изгоями на своей собственной земле и потому, как ни парадоксально это звучит, оказались обречены на любовь к ней. К тому же русское православие, как, наверное, никакое другое течение в христианстве, тесно связано с патриотизмом. Вынужденно убрав из знаменитой формулы «за Бога, царя и отечество» второй элемент, они тем сильнее ухватились за два оставшихся.

Соловецкие иноки слишком любили свою родину, чтобы начинать новый бунт, тот самый, русский, бессмысленный и оттого – ещё более беспощадный. Слишком свежо ещё было в памяти Смутное время, никто не хотел повторения этого кошмара. Может быть, именно благодаря сдержанности староверов Московия не упала в новый хаос гражданской войны и не стала лёгкой добычей воинственных соседей, к чему её неуклонно вели богопомазанные лидеры. Впрочем, через два с половиной века это всё равно произошло, и ископлённая церковь уже не смогла ещё раз объединить нацию.

Я думаю, на самом деле у руководителей свободолюбивого монастыря не было каких-то определённых планов. Они просто действовали по принципу: «делай, что должен, и будь, что будет». А свой долг они видели в том, чтобы защищать Соловецкие святыни до последнего, положившись во всё на Божью волю.

«Видать, не очень угодны были ваши старообрядцы Богу, раз Он допустил падение их твердыни» - уже слышу я ехидный голос оппонентов. Ну, извините, господа, так ведь можно договориться и до того, что если вооружённому бандиту удалось в тёмном переулке ограбить прохожего, значит – Господь стоит на стороне грабителей, а не честных людей. Опровержением этого мнения может служить горькая участь, постигшая обоих главных инициаторов реформы, царя и патриарха (Никон провёл более двадцати лет в изгнании и умер после тяжёлой болезни, возвращаясь из него в Москву).

Даже с чисто военной точки зрения то, что крепость с относительно небольшим гарнизоном и устаревшей системой фортификаций смогла 8 лет противостоять армии целого государства, да ещё такого огромного, как Московия, кажется просто невероятным. Однако факт остаётся фактом. Одержав военную победу, которой вряд ли можно гордиться, царское правительство потерпело полный разгром на идеологическом фронте. Большая часть населения России, и до того с сочувствием взиравшая на неравную борьбу защитников обречённой твердыни, после расправы над ними стало однозначно воспринимать «отцов и страдальцев соловецких», как мучеников за веру, а царских сатрапов – как слуг Антихристовых.

Конечно, не каждый решится бросить вызов карательной системе самодержавия (только приютившего у себя старообрядца на ночь тогда ожидало наказание кнутом и ссылка в Сибирь, и даже не ведающего, что пустил «раскольника» – крупный денежный штраф, а попробуй-ка ещё докажи, что не ведал), однако ростки сопротивления продолжали пробиваться то тут, то там. Одни, официально оставаясь «православными», дома тайком молятся по старым книгам и обрядам. Другие уходят глубоко в леса, скрываются за границей, многие оседают на Украине, где присутствие самодержавного судебно-административного аппарата ещё не было повсеместным.

Но «рука Москвы» достаёт их и там; в самую глухую глушь посылаются царские солдаты, чтобы силой оружия вернуть в лоно официальной религии «заблудших». Иногда, не смотря на риск дать повод к войне с сильным соседям, московское правительство отправляет карательные

экспедиции за границу. И тогда по всей Московии вспыхивают самосожженнические костры. Лично у меня создалось впечатление, что первоначально сами царские воеводы поджигали запершихся «в глухой осаде» староверов (вспомните старания Мещеринова), и лишь потом изгнанники начинают использовать это, как средство для борьбы с тиранией.

Даже сегодня идеологи никониан с присущим им цинизмом обвиняют староверов в грехе самоубийства (доводить людей до подобной крайности они, почему-то, грехом для себя не считают). Однако давайте вспомним, что церковь издревле оправдывала воинов, кончавших собой под угрозой плена и пыток, а также женщин, убивавших себя, когда им грозило бесчестие. Думаю, в данном случае мы имеем аналогичную ситуацию, пусть даже речь идёт не о физическом, а о моральном изнасиловании.

Всё больше распространялись вести, будто наступили последние времена и скоро грядёт Апокалипсис. Правители провинций засыпали столицу тревожными депешами о том, что население в массовом порядке роет себе могилы, делает гробы и ложится в них, ожидая трубы Архангела. Бедные наместники пребывали в панике, не зная, чем ответить на подобный акт гражданского неповиновения.

Со временем преследования старообрядцев несколько ослабли, однако само существование альтернативного православия воспринимается главенствующей церковью и её богопомазанной крышей как временное зло, с которым необходимо всячески бороться, для чего при Синоде постоянно действует особый миссионерский отдел. Прямые репрессии сменяются всевозможными ограничениями: староверам запрещают строить церкви, принимать «беглых» священников, записываться в купеческое сословие. Любое внешнее проявление веры, даже исповедать умирающего, лежащего в общественной больнице, классифицируется властями как религиозная агитация, чего «новолюбцы» боятся особенно сильно. «Раскольников» обкладывают двойным - тройным налогом, устанавливаются черты оседлости, староверов всеми правдами и неправдами пытаются вернуть в лоно господствующей церкви, не гнушаясь порою и грубым насилием (к примеру – особый деревянный кляп, с помощью которого человека заставляли проглотить причастие). Почти никого из иноверных, включая евреев, традиционно ксенофобское правительство России не притесняет столь последовательно. Даже манифест 1905-го года не уничтожил эти притеснения полностью.

Лишь февральская революция приносит сторонникам древнего благочестия окончательную свободу. Все старообрядческие согласия расцветают буйным цветом, по стране строятся их церкви, для каждой открыто рукополагают священников или выбирают безпоповских наставников. Открываются духовные училища староверов, церковно-приходские школы, больницы, богадельни, библиотеки, культурные центры, их типографии выпускают книги, газеты и журналы. Казалось, ещё немного, и старая церковь если не займёт положение главенствующей, то сильно потеснит свою младшую сестру. Однако, свершившийся через несколько месяцев большевистский контрреволюционный переворот загоняет её обратно в подполье.

Но вернёмся в XVII -й век. Разгромленное соловецкое сопротивление не пропало бесследно. Немногие из уцелевших от устроенной Мещериновым резни «сидельцев» заточаются в тюрьмы или ссылаются в дальние монастыри. Некоторые ветераны обороны Соловков, такие, как чёрные попы Геннадий и Пафнутий, иноки Герман, Корнилий, Кирилл, Виталий и др., впоследствии смогли бежать. Именно они стоят у истоков будущего старообрядческого общежительства на реке Выге. У староверов -безпоповцев Выговская пустынь часто называется «малою рекою, истекшей от источника великого – обители Соловецкой». Устав Выговской обители действительно во многом был списан с правил, по которым жил Соловецкий монастырь.

Значение Выгорецкого пустынножительства трудно переоценить. Просуществовав более 150-ти лет, до своего окончательного разгрома царскими чиновниками в 1855-м, оно немало способствовало распространению старообрядчества в Поморье и по всему Русскому северу. Отсюда разбредаются по России будущие основатели скитов и монастырей. Здесь пишут иконы, отливают медные и серебряные трисоставные кресты и складни, создаётся обширная полемическая и поучительная литература.

Самым выдающимся литературным памятником Выга являются, несомненно, «Поморские ответы». В 1722-м году Синод прислал пустынножителю монаха Неофита со 106-ю вопросами. Всего за пол года коллективу авторов во главе с Андреем Денисовым удалось написать толстенную книгу, содержащую подробные, аргументированные, документально подтверждённые, и в тоже время – дипломатичные ответы на вопросы «новолюбцев». Вдумайтесь, это смогли сделать люди, живущие в глухой тайге, вдали от библиотек и архивов, а вот противоположная сторона, всё время торопившая староверов с ответом, до сих пор никак на сей труд не отозвалась. Видать, им просто нечего возразить...

Перу брата Андрея Денисова, Семёна, принадлежит «История об отцах и страдальцах соловецких», повествующая об осаде обители на Белом море. Книга написана красивым, образным, хоть и немного вычурным, на взгляд современного читателя, поэтическим языком, как это тогда называли «плетением словес». Так, погибших мучеников Семён называет виноградом, пролитую ими за веру кровь – вином Господа, а Выгорецкое общежитие – виноградником, насаждённым от паростка соловецкой лозы.

В своей повести Денисов опирался, в основном, на устное предание и на показания очевидцев, многих из которых автор знал лично. Это было первое литературное произведение, изложившее событие с точки зрения осаждённых, и, не смотря на некоторые мелкие неточности, оно до сих пор служит основой для многих исторических и литературных трудов на эту тему, в том числе и для вашего покорного слуги. «История», не смотря на строгие запреты, долгое время продолжала распространяться в списках и печататься в подпольных старообрядческих типографиях. Для неё были в своё время написаны неизвестным художником миниатюрные иллюстрации (числом 78), выполненные в стиле народного лубка. Подобные картинки ходили и сами по себе, украшая стены изб сторонников древнего благочестия и сочувствующих им «православных». Кроме Семёна Денисова о войне монахов с самодержавием писал и инок Никола, Григорьев сын, в своей «Повести о Соловецком восстании».

Нашла своё отражение оборона Беломорской твердыни и в устном народном творчестве. Духовные стихи – жанр, возникший на стыке фольклора и церковной литературы. Особенно широко он был распространён в старообрядческой среде. Естественно, пелось в них и о новых мучениках за старую веру: боярыне Морозовой («Снег белый украсил светлицы...»), протопопе Аввакуме («В Даурии дикой, пустынной...»), страдальцах соловецких («Соловецкое сидение») и др. Староверы поют эти песни до сих пор, как правило – хором, реже – под гитару.

Хотя, как выразился автор «Истории», после приезда на Соловецкий остров новых монахов «Оскуде превысочайшая слава и честь небесноподобныя Соловецкия киновии благочиния и, оскудев, исчезаше», однако остров, обagrённый кровью мучеников и осквернённый никонианским уставом, всё же продолжает привлекать сторонников старой веры. Приезжают взглянуть на место достославных событий, поклониться могилам высоко почитаемых у старообрядцев основателей монастыря, ну и, конечно, тайно помолиться на месте погребения соловецких страдальцев.

Где-то на рубеже XIX – XX- го столетий на Соловки прибывает юный старовер Николай Клюев, в будущем – выдающийся поэт серебряного века. К сожалению, об этом периоде жизни поэта не сохранилось иных свидетельств, кроме его собственных воспоминаний. По словам

Клюева, он пробыл на острове больше года, проживая на Секирной горе, в послушании у «строителя» (основателя) пустыни старца отца Феодора, возможно – тайного старообрядца. Николай носил тогда 9-тифунтовые вериги и совершал по 400 земных поклонов в день. На вопрос, зачем он это делал, Клюев впоследствии просто отвечает: «для Бога». Юноша серьёзно подумывал о принятии пострига, когда какой-то прибывший с Афона старец увёл его в странствие по России.

Соловки упоминаются во многих стихах поэта: «Обидин плач», «Родное», «Посадская», в поэмах «Мать Суббота», «Песнь о великой матери» и т.д. А в 1926-м году Клюев посвящает островам поэму с одноимённым названием. К этому времени на месте монастыря уже 3 года топчется печально известный СЛОН – соловецкий лагерь особого назначения, затмивший своими зверствами даже царских сатрапов. В поэме «Соловки» не всегда понятно, старые или новые мученики имеются ввиду. В частности, из неё мы узнаём о смерти учителя поэта, старца Феодора, погибшего, по всей видимости, от рук опричников из ГПУ:

*И Феодора, строителя пустыни
Как лесную речку, помяну
Он убит, и в лёгкой белой скрыне
Поднят чайками в голубизну*

В этом произведении проявляются характерные для Клюева мотивы восприятия природы как христианского храма. В условиях же тотального оскудения благодати в людях, растения и животные становятся единственными оставшимися носителями святости:

*Где учился я по кожаной триоди
Дум прибою, слов колоколам
Величавой северной природе
Трепетно моляся по ночам*

Через 10 лет Клюев повторит судьбу своего учителя. В 1937-м году в Томской ссылке тяжело больному поэту предъявят абсурдное обвинение в участии в монархическом заговоре и расстреляют по приговору «тройки». А пол века спустя советский поэт-бард Александр Городницкий, человек от старообрядчества далёкий, посвящает одну свою песню соловецким монахам, другую – протопопу Аввакуму.

Вообще, русские писатели неоднократно обращались к «раскольничьей» теме. Из самых известных можно назвать Лескова («Запечатленный ангел»), Мельникова-Печерского («В лесах» и «На горах»), Алексея Толстого («Пётр I») и др. Характерно, что кто бы ни начинал изучать историю староверов, он почти неизменно принимает их сторону. Даже г-н Мельников, всю жизнь по роду службы преследовавший старообрядцев, не может скрыть невольной симпатии к своим героям (хоть и заставляет их к концу книги поголовно перейти в единоверие).

Кстати, его романы вдохновили русского художника Нестерова на цикл работ из старообрядческой жизни с таким же названием. Однако самая известная картина на данную тему, это, конечно же – «Боярыня Морозова» Сурикова. Когда-то, если меня спрашивали, кто такие старообрядцы, это полотно было единственным, на что я мог сослаться, как на общеизвестный факт. Сейчас, правда, большинство населения не знает даже этого.

Между тем, историческая мысль России тоже не стоит на месте. В 1887-м году профессор Московской духовной академии Николай Каптерев начинает печатать исследование «Патриарх Никон как церковный реформатор и его противники». В своей работе, основанной на строгом научном анализе архивных материалов, он совершенно однозначно доказывает: «древние наши церковные чины и обряды никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том

самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменённых, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднейшими греческими».

Вот так. Что и требовалось доказать. Двух веков не прошло. А староверов невежами звали... Ничего удивительного, что работа профессора вызвала бурю негодования в стане «расколотборцев». Только в 1912-м году, преодолев сильнейшее сопротивление обер-прокурора Святейшего Синода, «великого инквизитора» Победоносцева и его верного, натасканного на старообрядцах профессора богословия Субботина, Каптереву удалось-таки опубликовать свою работу полностью. После этого уже только самые одиозные фигуры в господствующей церкви могут не признавать очевидное.

С тех пор политика РПЦ по отношению к староверам изменилась: их просто стараются не замечать. Ни сейчас, ни в прошлом. Мол, текла себе история русской церкви плавно, как река, и нигде не прерывалась. О Никоне тоже предпочитают не вспоминать. Мол, провёл реформу, книжки исправил – и молодец, отойди в сторонку, не маячь. Попытки некоторых деятелей его канонизировать так и остались на уровне разговоров. Как же так, ведь патриарх, согласно с официальной доктриной, буквально спас Россию из тьмы мракобесия, просветил, вывел на истинный путь, вновь соединил с матерью – Греческой церковью, от которой мы отпали по непонятно чьему злему умыслу или невежеству. Не будь его, Русская церковь до сих пор была бы там... ну, там. Да ему памятник поставить нужно, а вам в календарь вписать жалко! Тем более, что Никон даже пострадать за свои взгляды умудрился. Не так, конечно, как его противники, но – всё-таки...

Оно конечно, но если поподробнее взглядеться в сей вопрос, то окажется, что как минимум 100 лет из истории церкви придётся попросту выбросить. Ведь именно столько времени прошло от Стоглавого собора (1551 г.), чьи решения были так решительно осуждены собором 1667-го года, до начала Никоновских реформ. А если учесть, что собор отражал уже прочно сложившуюся к тому времени практику, этот срок придётся увеличить, по крайней мере, вдвое. И ведь всё это время людей крестили, венчали, причащали, отпевали, рукополагали священников, епископов и прочий священный и иноческий чин, страшно сказать, царей короновали, и что – взять и признать всё это недействительным? А ведь тогда и линию преемственности придётся признать прерванной, то есть всех нынешних иерархов – незаконными... Лучше мы просто не будем об этом говорить!

А уж осада Соловецкого монастыря – и вовсе «табу». Нечем тут гордиться, прямо скажем, вот и не поднимайте этого вопроса вовсе. Кстати, а как он там? Да так, ни шатко, ни валко. Пётр I построил на Заяцком острове (том самом, где когда-то отсиживались царские воеводы) церковь Андрея Первозванного. Екатерина II секуляризировала (забрала в казну) монастырские угодья на берегу. Пришлось монахам, как некогда осажённым соловецким сидельцам, довольствоваться тем, что могло дать островное хозяйство. В компенсацию иноки подучили независимость от местных церковных и светских властей (теперь они подчинялись непосредственно Синоду, то есть - царице). В 1861 году архимандрит Порфирий покупает в Архангельске первый пароход для перевозки паломников. В 1885-м великий князь Владимир Николаевич убрал с островов воинскую команду, сочтя её излишней. Из пушек остались только те, что скорее можно было счесть музейными экспонатами.

В 1917-м году, под влиянием февральской революции в Питере, насельники обители, как в старые добрые дораскольные времена, провели свободное голосование и избрали игуменом вместо хозяйственного, но чересчур властного архимандрита Иоаникия старца Вениамина. Впрочем, свобода продолжалась недолго. В 1920-м году по решению Архгубчека монастырь на

островах ликвидируется. Три года вместо него пытаются существовать совхоз, который прекращает эти попытки после большого пожара.

1923-1939 гг. – самая печальная страница истории острова. СЛОН, с 1927-го года получивший более точное название СТОН (соловецкая тюрьма особого назначения) вырубил его леса, уничтожил бесценные памятники культуры, а самое страшное – выкосил тысячи человеческих жизней. Зверства лагерных охранников (многие из которых, кстати, вербовались из арестованных белогвардейцев) и муки узников совести затмили в народной памяти подвиг страдальцев соловецких. Хотя – кто знает? Может, не было бы «сидения», не было бы и «стопа»? Может, это вообще – некая преемственность? Ведь соловецкая монастырская тюрьма просуществовала аж до 1903-го года и в ней, как впоследствии и в советских лагерях и тюрьмах (в том числе – в СЛОНе и в СТОНе), продолжали сидеть старoverы, и не за что-то, а именно за свои религиозные убеждения.

В 1940-м году, из-за близости к границам и начавшейся войны с Финляндией, лагерь перенесли в Сибирь, а на его месте возник Учебный Отряд Северного Флота, в составе которого (1942-1945) действовала школа юнг, набиравшаяся из беспризорников. Не хочется говорить плохое о людях, многие из которых героически воевали и погибли в ВОВ, однако мне рассказывали, как во время встречи ветеранов один «юнга» весело говорил другому: «А помнишь, Федя, придёшь вечером с занятий усталый, порубаешь на дрова иконку – чашка чаю в секунду закипает. Хорошее дерево, старое, сухое...» Без комментариев.

В 1957-м Учебный Отряд прекращает своё существование, 10 лет на острове царит «мерзость запустения». Впрочем, по сравнению с предыдущим периодом и это – слава Богу! С 1967-го здесь открыт филиал Архангельского краеведческого музея, 7 лет спустя преобразованный в Соловецкий историко-архитектурный и природный государственный музей-заповедник. Остров начинает принимать туристов. В 1992-м архитектурный комплекс Соловков включён в «Список всемирного наследия» ЮНЕСКО. Давно пора!

РПЦ долгое время отвергало предложения государства вернуть себе острова, мол, место безнадежно осквернено. Однако с 1990-го года они отбросили свою щепетильность и возобновили там богослужения. И то, чего стесняться, 300 лет назад ведь не побрезговали! Сейчас на острове опять существует мужской никонианский монастырь, он продолжает принимать туристов и паломников. Так что – спешите видеть!

Характерно, что исконные хозяева острова, старoverы, до сих пор не имеют здесь даже часовни, а соловецкие страдальцы – памятного знака (?). Что же, святые отцы, ваше право. Вы ведь тогда победили.

Выводы

Кто за что, а я – за двоперстье...

Н. Клюев

Итак, зачем я Вам, уважаемый читатель, столько всего нарасказывал? Автор не столь наивен, чтобы полагать, будто, прочитав его работу, все тут же ринутся из РПЦ в староверы записываться. Ваше дело, господа, хотите общей доли с теми, кто жжёт людей на кострах – Бог вам судья. Заметьте только, что сейчас, когда Московское царство всё увереннее катится с дороги западной демократии (как будто бывает какая-то другая) в привычную ему канаву азиатского деспотизма, это в первую очередь ознаменовалось усилением роли РПЦ в государстве, законодательным закреплением её превосходства над другими конфессиями и религиями. Симптоматично, не правда ли?

Какой же, однако, вывод следует из всего вышеизложенного? Сейчас все любят повторять заезженную фразу – мол, история не знает сослагательного наклонения, не вдумываясь, что она, собственно, значит. А значит она то, что в истории нет места случайностям. То есть они, естественно, время от времени происходят и играют некоторую роль, но общий ход событий определяется не ими.

Как же так, спросят меня, разве не случайностью было, скажем, поражение Наполеона под Ватерлоо или русских войск на реке Калке? Возможно. Приведи Груши вовремя свою часть армии к месту битвы – Бонапарт, скорее всего, разбил бы Велингтона и пруссаков. Не поддайся половецкая кавалерия панике от натиска татар, союзное княжеское войско, вероятно, смогло бы устоять. Но изменило ли бы это историю кардинальным образом?

Одна проигранная битва отнюдь не обязательно означает проигранную войну. Войско Хмельницкого потерпело поражение под Берестечком, но, по сути, победило в войне с поляками. Кутузов проиграл Бородинское сражение (проиграл, проиграл), что не помешало ему впоследствии прогнать французов из России.

Да, в определённых обстоятельствах одна искра может вызвать взрыв. Однако сколько ни чиркай огнём во чистом поле – его не будет. Нужно, чтобы кто-то заранее прикатил и открыл бочку с порохом.

Короче, если что-то произошло, значит – это могло произойти. А раз могло – непременно произошло бы, рано или поздно. Не было бы реформ Никона – кто-нибудь другой придумал бы нечто в этом роде, не менее мерзкое и кровавое, не тогда, так через пол века. Тот же Пётр, к примеру. Проблема ведь не в том, что Никон или Алексей Михайлович были плохими людьми. Дело в том, что в огромной, многомиллионной стране им почти никто не воспротивился. И не потому, что жизнь царя была священна – мочили в России монархов и до 17-го года. Но это почти всегда означало – хаос и кровь, а другой управы на зарвавшегося самодержца не существовало. Иными словами – тоталитарная система оказалась запрограммированной на самоуничтожение.

Да и не были, собственно говоря, ни Никон, ни Алексей Михайлович плохими людьми. Как – спросите Вы – после всего того, что вы о них наговорили? Скажем иначе – они не были людьми, изначально направленными на зло. Просто один из них был московским патриархом, а другой – московским царём.

Никон, к примеру, в бытность свою простым монахом вёл уединённую жизнь аскета, много странствовал, питаясь одним подаянием, подолгу молился, имел, по всей видимости, мистический опыт. Получив власть, он неоднократно заступался за простых людей, раздавал

щедрую милостыню, не давал своим приказчикам обсчитывать рабочих при строительстве храмов.

Алексей Михайлович в молодости совершенно отвечал западным представлениям о просвещённом монархе. Вокруг 16-летнего самодержца образовался «кружок ревнителей благочестия» (см. выше), ставивший своей целью духовное возрождение нации, под руководством царского духовника Стефана Вифантьева и Бориса Морозова, деверя будущей мученицы Феодоры. Государь много читал, был очень набожен, заботился о распространении среди народа грамотности, усилении нравственности во всех слоях общества. Алексей чуть ли не единственный из российских монархов, о котором почти доподлинно известно, что он не имел любовных связей вне брака (точнее - браков). В отличие от сына, Петра, он внедрил в стране европейские новшества обдуманно и понемногу. Во время стрелецких волнений в Москве Тишайший лично вышел поговорить к восставшим, дабы уладить дело миром, без крови.

Но власть, власть... Власть развращает людей, абсолютная власть развращает их абсолютно. Демон Власти, как некий вирус, нарушает в человеке ориентацию в пространстве, и он уже не видит, где верх, где низ, где добро, где зло. Думаю, дело в том, что должны быть у человека некие незывлемые нравственные ориентиры, представления о том, чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Нельзя жечь живых людей на кострах, даже если доподлинно известно, что они – еретики или чернокнижники. Нельзя забрасывать беременную женщину камнями, даже если она действительно зачала от блуда или во время языческой оргии. Нельзя творить чёрные дела ради идеи, даже если ты уверен, что твоя идея – светлая и истинная. Тем более, если она такая!

Как только ты скажешь самому себе: «цель оправдывает средства» - всё, пиши - пропало. Ты будешь делать то, что прикажет тебе демон. И чем лучше, чище был человек изначально, тем в большее чудовище он затем превращается. Ни один де Сад не натворит такого, что сделали борцы за «свободу, равенство, братство». Так кудрявый мальчик Володя Ульянов стал вождем краснокожих – кровавым Лениным. Так Никон с царём довели свою идею всемирного торжества православия до абсурда, и никто ни снаружи, ни внутри не сказал им, мол, остановись, подумай, что же ты делаешь?

Так что приезжайте на Соловки. Зайдите на остров Бабыя Луда и помолитесь мученикам за веру. В том, что сегодня, пусть понемногу, христианские ценности (те, что записаны в Евангелии, а не те, что проповедует РПЦ!) мало-помалу проникают в людские сердца, есть ведь и их заслуга. Свобода совести, отмена смертной казни, отмена призыва в армию (она не за горами), борьба с нищетой, голодом и бездуховностью, разве не за это пролили они свою кровь? Неужто напрасно?